

A woman with long, wavy red hair and blue eyes is smiling at the camera. She is wearing a historical-style costume consisting of a blue bodice with a red corset front, white puffed sleeves with gold trim, and a blue skirt. She has her hands on her hips. The background is a picturesque rural scene with a river, a stone mill, a wooden barn, and trees with autumn foliage.

Наталья Лакота

Мельничиха
из Тихого Омута-2

Наталья Лакота

Мельничиха из Тихого Омута

<https://litres.ru/74231273>

SelfPub; 2026

Аннотация

Живешь-живешь, никого не трогаешь, в один прекрасный (или совсем наоборот – ужасный) день падаешь в воду и вынырываешь в другом мире. Где ты совсем не принцесса, и даже не претендентка на руку и сердце короля, а всего лишь вдова мельника из деревни Тихий Омут. Но в тихом омуте, как известно, тихо никогда не бывает.

В сюжете присутствуют:

энергичная_попаданка

#

немного_сумасшедший_и_самую_капельку_властный_герой

колдовская мельница

Содержание

Глава 1. Как я упала и попала	4
Глава 2. Мельник Бриско и его курочки	31
Глава 3. Сыграем в "Весёлую мельницу"	46
Глава 4. Крутись, крутись колесо	60
Глава 5. Вино и прочие радости жизни	76
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Наталья Лакота

Мельничиха из Тихого Омута

Глава 1. Как я упала и попала

Вода затягивала меня, и как я ни пыталась бороться с течением, выплыть не получалось. Вокруг словно крутились какие-то темные тени, не давая двигать руками, тянувшие за ноги вниз. Грудь сдавило, легкие горели огнем, я не выдержала и вздохнула. Вздоха не получилось, потому что в горло и нос хлынула вода. Я забилась, как сумасшедшая, но черные тени не отпускали.

Неужели, я вот так и умру – глупо, неожиданно? Из-за дурацкой Витькиной шутки? А шутка дурацкая – столкнуть меня в воду из лодки!..

Ещё рывок... ещё... я боролась с течением, боролась со смертью, но уже проигрывала, слабея с каждой секундой.

«Всё... конец, - мелькнуло в мыслях. – Тебе конец, Эдит».

Но какая-то Эдит? Меня звали Светланой, а вовсе не Эдит...

«Звали», - словно шепнул мне на ухо чужой голос.

Сердце готово было лопнуть от недостатка воздуха, ко-

гда чья-то рука схватила меня за запястье и сильно дернула вверх.

Я выскочила на поверхность, как пробка, и закашлялась, выплевывая воду, и силясь вздохнуть полной грудью.

- Держитесь, - раздался голос – на этот раз вполне реальный. Только всё равно странный. Никогда не слышала, чтобы английский так коверкали.

Держитесь – это было сказано как в насмешку. Я распласталась по воде, пока кто-то тащил меня за волосы. Сил не было никаких, было холодно, но согревала мысль, что я жива, что меня спасают... А Витьке надо расцарапать физиономию. И бросить окончательно. Пусть над кем-нибудь другим свои шуточки шутит.

Идея поехать на озеро Ллин Пвилл принадлежала мне. Но раз уж меня притащили в Англию, должна же я была увидеть озеро, о котором написала дипломную работу? И пусть диплом мне ни разу не пригодился, и прекрасно раскрытая тема по валлийскому фольклору «Легенды и мифы омута Ллин Пвилл» канула в архивы университета вместе с тысячами других дипломных работ, меня всё равно тянуло в эти места.

Проводник пересказывал мне все десять легенд, которые я описывала в своем дипломе, и утверждал, что знает ещё десять – самых таинственных, самых невероятных, но я слушала лениво. А Витька совсем не слушал. Он гундел, что проголодался, заскучал и замерз, и предлагал вернуться по-

скорее.

- Не ври, пожалуйста, - ответила я, глядя на голубовато-серые воды озера и на полуразрушенную мельницу на берегу. – Ничего ты не замерз. Сейчас тепло, так что можно даже купаться.

- Что тогда не купаешься? – хохотнул Витька и толкнул меня с лодки.

Может, он и не хотел сталкивать, может, хотел просто попугать – чтобы я повизжала, цепляясь за борт. Но получилось то, что получилось – я взмахнула руками, вскрикнула и рухнула в волны озера, которые местные любовно звали Тихим Омутом, используя вместо английского слова «омут» валлийское «пвилл» - преисподняя.

И вот теперь меня тащили из этой «преисподней», как пойманную щуку, и я могла только радоваться, что нам подвернулся кто-то из местных, потому что, похоже, ни Витька, ни наш гид за мной в озеро не нырнули. По крайней мере, я не слышала всплеска.

Метров через тридцать я отдышалась окончательно, перевернулась на живот и поплыла сама. Мужчина, до этого тащивший меня за волосы, держался немного впереди и коротко приказал:

- Хватайтесь за плечо!

Странный акцент – не валлийский, не ирландский... Какой-то... неправильный акцент.

Но спасителям на акценты не смотрят, поэтому я послуш-

но положила одну руку на плечо мужчины, а другой начала подгребать, чтобы ему было легче плыть. До берега было не так далеко, и я вполне добралась бы одна, но после пережитого в глубине Ллин Пвилл плыть одной было страшновато.

На берегу, рядом с мельницей, стояла женщина в коричневом платье до пят, в фартуке и чепце, которые носили лет триста назад. Какая-нибудь тетка, что продает сувениры. Местные всё время пытались продать наивным туристам что-нибудь ненужное, и для этого наряжались в типа исторические костюмы. Вот и эта дамочка понятия не имела, что платье у нее из семнадцатого века, а чепец – из середины восемнадцатого. Она смотрела, как мы подплываем, сложив руки под фартуком, и лицо у нее было мрачным и угрюмым.

На ее месте я позвонила бы в отель, чтобы привезли одежду и одеяло, чтобы согреть утопающую (то есть меня), но женщина продолжала стоять столбом.

- Здесь уже дно, - сказал мужчина, повернув голову. Волосы у него были темными, налипшими на лоб и глаза, и он провел по лицу ладонью, убирая мокрые пряди.

Совсем не похож на местного. Здешние мужчины отращивали бороды, которые сейчас вошли в моду по все Европе, и ухаживали за ними, как не всякая женщина ухаживает за своей шевелюрой. А тут я увидела трехдневную щетину – ничего похожего на бородатеньких гламурчиков.

Дальше мы уже не поплыли, а побрели к берегу, и мужчина держал меня за талию – как будто я собиралась падать.

Но я не собиралась, и чувствовала себя, вполне бодро, если только не считать, что промокла насквозь и замерзла. Всё-таки купаться уже поздно. Витька был прав.

Кстати, Витька...

Я оглянулась, но на поверхности озера не было никаких лодок.

Куда это пропали все туристы? Может, меня отнесло течением в сторону? Но вот же мельница... Мы плыли как раз напротив неё...

Когда вода опустилась мне до пояса, я обнаружила, что из одежды на мне – совсем не кардиган с джинсами. Да ещё и футболка куда-то пропала... И нижнее бельё!.. Зато вокруг пояса была намотана непонятная сетка, и чем ближе я подходила к берегу, тем тяжелее эта сетка становилась.

Но где одежда-то?!

Я прикрыла голую грудь и остановилась. Мужчина тоже остановился и ещё раз провел ладонью по лицу, убирая мокрые волосы с глаз.

- Где моя одежда? – потребовала я.

- Не знаю, - ответил мужчина. – Я выудил вас именно в таком виде, голышом. Надо быть поосторожнее с сетью, хозяйка. Идите к берегу, я не смотрю, - и он побрел дальше, разгоняя перед собой тину и водоросли.

Хозяйка?.. Сеть?..

Я с недоумением посмотрела на сетку, обмотавшуюся вокруг меня, как знаменитое озерное чудовище Несси, и поня-

ла, что случилось. Я упала в воду и запуталась в сетях. А мне показалось, что меня тянут на дно какие-то чудовища...

Следом за мужчиной я побрела к берегу, пытаясь на ходу избавиться от сетей, но тут женщина в чепце прикрикнула на меня (с таким же странным акцентом):

- Сети не бросай! Сюда тащи! Они денег стоят!

У женщины было неприятное лицо с глубокими морщинами от крыльев носа к углам рта. На подбородке красовалась крупная бородавка, а взгляд был таким, словно дамочка жалела, что я выплыла.

- Вам надо – вы и тащите, - огрызнулась я, наконец-то избавляясь от сетей и бросая их на мелоководье. – Я на вас жалобу напишу. Здесь браконьерство запрещено, вообще-то. Я могла утонуть из-за ваших сетей.

Мужчина, уже выбравшийся из воды, оглянулся на меня, и в его взгляде я заметила настороженное удивление.

- А вы почему смотрите?! – возмутилась я, прикрываясь ладонями. – Отвернитесь немедленно!

Он отвернулся, и я выбралась на берег, стуча зубами.

- Дайте какую-нибудь одежду, - сказала я женщине, которая, цедя сквозь зубы проклятия, задрала юбку до колен и полезла в воду, чтобы достать сети.

- Иди, да возьми! – сварливо ответила она. – Дорогу домой забыла, что ли?

- Вы издеваетесь?! – закипела я. – Дайте платок, - и я содрала с плеч женщины шерстяной платок в заплатках.

Платок был небольшим, но лучше, чем ничего. Я сначала попыталась прикрыть грудь и плечи, но потом обмотала его вокруг бедер.

Женщина в чепце запоздало ахнула, потом пригляделась ко мне, будто увидела впервые, нахмурилась, досадливо махнула на меня рукой и полезла в воду, вытаскивая сети.

- Возьмите мой камзол, хозяйка, - сказал мужчина и накинул мне на плечи черный камзол – тоже подделку под старину. Покрой семнадцатого века, а пуговицы – как в восемнадцатом. Дутые, серебряные.

Но пусть они тут хоть все не разбираются в истории, одежда была кстати. Я запахнулась поплотнее, подпрыгивая на месте, чтобы согреться. Камзол пах табаком, и я чихнула – таким крепким был запах.

- Думаю, нам лучше пройти на мельницу, - сказал мужчина. – Вам надо одеться, и я бы тоже не отказался надеть что-нибудь сухое и погреться у огня.

Погреться у огня!.. Мне захотелось закатить глаза. Они тут все в роль вошли? Изображают из себя средневековых крестьян. Только плохо изображают. Недостоверно.

- Дров у нас мало, - встряла женщина в чепце. Как будто её спрашивали!

- Я заплачу за дрова, мамаша Жонкелия, - сказал мужчина.

Она засопела и начала раскладывать сети на берегу.

И имя у нее дурацкое – Жонкелия! Как будто бывают та-

кие имена! Историю надо учить, реконструкторы! Хотя бы позаботились разузнать о валлийских именах!

Но тут мужчина пригляделся к сетям, которые мамаша Жонкелия раскладывала на камнях, и присвистнул.

- Ого! – он прищурил один глаз и неприятно усмехнулся.
– Кто это вас так не любит?

- Что? – переспросила я, ничего не поняв.

- Кто-то разрезал ваши сети, хозяйка, - мужчина указал на дыры между нитяными ячейками.

- Это не мои сети, - я дернула плечом. – Идемте на мельницу. И не вздумайте ничего платить этой грубиянке, - я сердито взглянула на женщину, которая теперь стояла перед разложенными сетями и угрюмо изучала дыры в них. - Кстати, - камни больно впивались в босые ступни, и я ахала и охала на каждом шагу, - я не поблагодарила вас. Вы меня спасли. Я бы точно утонула. Как вас зовут? Вы тоже приехали сюда на фестиваль?

Мы поднимались по берегу к мельнице, и я вынуждена была хвататься за пожухлую траву, потому что тропинка наверх была крутая и скользкая от грязи.

- Меня зовут Рейвен Кроу, - ответил мужчина после секундной заминки. – Я - местный судья.

- Вот как? Тогда вам надо привлечь эту женщину. Здесь запрещена рыбная ловля. И я чуть не погибла из-за этих сетей. А меня зовут...

Но мужчина меня опередил, и теперь голос его звучал

необыкновенно мягко:

- Вы, наверное, не в себе, хозяйка? Мы с вами знакомы, и я знаю ваше имя – Эдит Миллард. Может, вы слишком долго пробыли под водой? Я пришлю к вам доктора Ларка.

- Это вам нужен доктор, - я оглянулась на него через плечо. – Никакая я не Эдит. Я... - и тут я заметила свои волосы.

Каким-то невероятным образом они выросли всего за несколько минут. Когда я падала в воду, они были коротко подстрижены – чуть ниже плеч. А теперь достигали бедер. И несколько прядей были заплетены в косички, концы которых туго перетягивали тряпичные ленточки.

Что это? Опять Витькины нелепые шутки? Но такие шутки Витьке были явно не по силам.

Я стремительно обернулась, глядя поверх головы судьи. Удивительное дело! Там, где полагалось быть городским крышам и маленькому заводу по производству бумаги, теперь стояли огромные деревья. Дубы, наверное? Но разве возле Ллин Пвилл была дубовая роща? Ах да, была. Лет пятьсот назад, во времена правления короля Эдварда III. Но в рекламном буклете нет ни строчки про какую-нибудь дубовую рощу в окрестностях...

Может, всё-таки, меня унесло течением слишком далеко? И на берегу озера несколько мельниц?

- Где я? – этот вопрос вырвался у меня будто по чужой воле.

Спросила, а сама замечала то, чего не могло быть на са-

мом деле – нет сетевой вышки, пропало колесо обозрения, которое стояло на берегу Лин Пвилл, и дорога... исчезла асфальтированная дорога с четкой разметкой, а вместо нее вдоль берега тянулась какая-то разбитая колея с лужами и ухабами...

- Хозяйка, - терпеливо и участливо сказал судья Кроу, - вы у себя дома, на своей мельнице, возле деревни Тихий Омут.

Деревня Тихий Омут? Да вы шутите! Нет такой деревни! И никакая я не хозяйка мельницы!

- Вам плохо? – нахмурился судья. – Вы сами на себя не похожи.

Правильно, не похожа! Потому что это – не я!

Но я сама понимала абсурдность своего положения. Я – это я. Вот она, чувствую свои руки и ноги, вижу свою рыжую гриву до пояса, которой у меня с детского сада не было. Я дышу, говорю, вижу, но я – не Эдит Миллард! Так, кажется, назвал меня судья?

Я уставилась на мужчину с ужасом. А он, в свою очередь, глядел на меня с недоумением. Только теперь я рассмотрела его получше. Высокий, широкоплечий, худощавый, но мокрая рубашка облепила рельефные мышцы на руках. На вид ему было лет тридцать пять, волосы у него были темные, почти черные, но на висках и надо лбом виднелись седые пряди. Черные глаза, в которых зрачок почти сливался с радужкой, смотрели на меня в упор, черты лица были резкими, подбородок с ямочкой упрямо выдавался вперед, а губы бы-

ли сурово сжаты.

- Что вы тут застыли? – раздался ворчливый голос старухи в чепце. Она поднималась за нами, задрав юбку почти до колен и выставив на обозрение серые от частых стирок подштанники. Кружева на манжетах нижних штанов порвались и уныло обвисли.

- Ждём вас, мамаша Жонкелия, - сдержанно сказал судья, не сводя с меня пристального взгляда.

- Что ждать? – буркнула старуха. – Идите в дом, пока не заработали воспаление легких. Не май месяц на дворе!

- Не май, - согласился судья и пошел вперед.

- Дрова берите с левой поленницы, - крикнула ему вслед старуха. – Они посуше! И стоят по два грошена за полено, к вашему сведению!

Судья кивнул через плечо, не замедлив шага, а мамаша Жо (я даже в мыслях с трудом выговаривала её полное имя) поравнялась со мной и вдруг шепнула:

- Только не скажи, что ты – не Эдит. Иначе закончишь свои дни где-нибудь в сумасшедшем доме.

Я застыла на месте, глядя им в спины. Сейчас мне как раз не помешала бы консультация у хорошего психиатра. Потому что ничего этого не может быть. Это не может происходить на самом деле.

- Эдит, ты идёшь? – грубо окликнула меня старуха. – А то закоченеешь совсем.

Эти слова словно пробудили меня. Только сейчас я поня-

ла, как продрогла. Хотелось принять горячую ванну, завернуться в пушистый халат, который предлагают в отеле, выпить горячего какао...

Я торопливо поднялась по тропинке до самого верха и очутилась перед мельницей.

Мельница!..

Слишком шикарное название для такой развалюхи! Водяное колесо стояло, хотя вода так и хлестала по его лопастям. Дверь болталась на одной петле, уныло покачиваясь туда-сюда от сквозняка. Стены были добротными, и крыша покрыта яркой синей черепицей, но доски на крыльце были выломаны, а в окнах не было стекол. В щелястом вольере бродили четыре белые курицы, и пес с грустными глазами пугливо посмотрел на нас из полуразвалившейся конуры. Синюю крышу мельницы окутывали золотые и алые облака осенних берез и рябин, но это только ещё больше подчеркивало разруху и запустение.

Я растерянно смотрела, как судья внес в дом охапку поленьев (какие поленья?! кривые суковатые палочки!), осторожно ступая по крыльцу, чтобы не провалиться, а потом сама зашла под своды мельницы, чьей хозяйкой меня называли.

Внутри всё было ещё унылее. Грязный, хотя и крепкий пол, грубая мебель – явно сколоченная кем-то криворуким. И косоглазым, в придачу. Печка – когда-то побеленная и разрисованная веселым узором, а теперь черная от сажи. На сто-

ле – три корки и пара чахлых перьев зеленого лука, рядом со щербатой чашкой. Под потолком роятся мухи...

И не намного теплее, чем во дворе!..

- Сейчас согреемся, - сказал судья, присаживаясь возле печки на корточки и выгребая золу.

- Сходи, оденься, - старуха ткнула меня неожиданно крепким кулаком и указала на лестницу, ведущую вверх.

Я послушно поднялась по широким ступеням, потирая плечо, куда пришелся тычок. На втором этаже было несколько комнат, и я, поколебавшись, заглянула в них по очереди.

Ошибиться было просто невозможно – жилой была только одна комната, а остальные были пустыми до эха. Впрочем, назвать комнату жилой можно было с большой натяжкой. Окно здесь было забито досками, занавешено засаленной тряпкой, а щели между досками и рамой законопачены мхом. Стояли две кровати с тощими матрасами и одеялами, где дырок было больше, чем заплат, а вместо подушек лежали мешки с сеном. На сундуке в углу валялось платье – коричневого, с рваным подолом. Я довольно долго рассматривала его, не решаясь надеть, но больше надеть было нечего. Не щеголять же в чужой шали и в мужском пиджаке?

Платье пришлось мне точно впору, и это удивляло и пугало. Как будто тут знали мой размерчик!

«Не скажи, что ты – не Эдит...», - я вспомнила слова старухи и поёжилась.

Если это был сон – то очень странный сон. И мне хотелось

бы поскорее проснуться. Но почему-то не получалось. Потоптавшись ещё в неудобной комнате, я решила спуститься. Взяла в охапку камзол судьи и пошла вниз, держась за грубо оструганные перила.

- ...она не в себе, - услышала я голос судьи Кроу. – Говорит как-то странно.

- Будешь тут не в себе, - буркнула мамаша Жо. – Остаться вдовой через полгода после свадьбы!

- Для неё это такой удар? – вкрадчиво поинтересовался судья и насмешливо договорил: – Не рассказывайте сказок, что ваша Эдит безумно любила мужа и спятила от горя.

Я замерла на середине лестницы, слушая в оба уха, потому что это, кажется, касалось меня. Вернее, той самой Эдит, притвориться которой мне посоветовала старуха.

- Грешно смеяться над несчастной матерью, потерявшей сына, - сказала мамаша Жо таким трагичным тоном, словно представляла мать Гамлета. – И вдвойне грешно говорить плохое о покойнике. Мой сын был, конечно, не медок, но он заботился о нас.

- Так заботился, что его жена босиком и зимой сбежала от него в соседнюю деревню? – хмыкнул судья.

- Они просто поссорились, - невозмутимо заявила старуха. – Милые ссорятся – потом горячее любят.

- А по-моему, у нее что-то в голове разладилось, - сказал судья резко. – Я пришлю доктора, чтобы он осмотрел вашу невестку.

- Нам нечем платить за визит доктора, - тут же сказала старуха.

- За мой счёт, - отрезал судья.

- Лучше бы на хлеб дали двум бедным женщинам, - всё равно осталась недовольна мамаша Жо. – Вы же убедились, что мой сын не оставил нам ни грошена.

- Убедился.

Я услышала, как что-то звякнуло – будто на деревянный стол бросили две монеты.

- Это за дрова, - насмешливо сказал судья.

Спустившись ещё на две ступени, я заглянула в комнату, условно служившую кухней, и увидела, как мамаша Жо прячет за пазуху серебряные новенькие монетки, а судья Кроу уже растопил печку и держал перед огнем свою рубашку, чтобы поскорее просохла. Спина у него тоже была впечатляющая – мускулистая, широкая, а на поясице – соблазнительные ямочки. Жаль, штаны он сушил на себе.

В это время судья обернулся – будто почувствовал мой взгляд, и мне ничего не оставалось, как спуститься по лестнице и скромненько присесть на лавку у печки, положив рядом камзол судьи. Я перебросила волосы на грудь и принялась разбирать пальцами мокрые пряди. Высыхая, волосы пушились и цвет их становился почти морковно-рыжим. Я не была такой, даже когда волосы летом выгорали на солнце. Собственно, и руки тоже были не мои. С мозолями на ладонях, с обломанными неухоженными ногтями... А ведь толь-

ко вчера мне сделали влажный маникюр и такой миленький френч...

- Как вы себя чувствуете, хозяйка? – спросил судья, встряхивая рубашку.

- Хорошо, - ответила я коротко, чтобы судья опять не услышал ничего странного. Наверняка, прежняя Эдит не говорила с акцентом. А может, и голос у нее был другой.

Но судью моё молчание не устраивало, и он задал новый вопрос:

- С чего это вы полезли в озеро?

- Купалась, - я опять ответила односложно.

- В это время? – черные прямые брови удивленно приподнялись. – Вы точно хорошо себя чувствуете? А зачем разделись догола?

- Может, чаю? – предложила я ему, чтобы он прекратил задавать опасные вопросы.

Мамаша Жо еле заметно дёрнулась, и я догадалась, что попала впросак. Скорее всего, чай в этом доме не подавали. И кофе – вряд ли.

- Я страшно голодная, - объявила я, вскакивая со скамейки. – Может, сообразим что-нибудь, пока господин судья просыхает?

Старуха Жонкелия поняла намек и мрачно кивнула:

- Посмотрим, осталось ли что-то в кладовой.

Судья проводил нас подозрительным взглядом, и перевернул рубашку другой стороной к огню.

Мы с мамашей Жо прошли по лестнице – на этот раз куда-то вниз, и оказались в коридоре, где пол был покрыт пылью вперемешку с мукой, а в полутьме, как две чудовищные морды с толстыми, плотно сомкнутыми губами, виднелись два каменных жернова.

Толкнув одну из дверей, старуха мотнула головой, предлагая мне зайти, и я оказалась в темноте, где пахло мышами и затхлостью. Чиркнуло кресало, затеплился огонек свечи, и в его неровном свете я увидела гладко оструганные полки вдоль стен – совершенно пустые, если не считать корзинки с десятком яиц и глиняного горшка, по-бабушкиному затянутого на горловине тканью, перевязанной веревочкой.

- Лучше пересидим здесь, - тихо сказала старуха, не глядя на меня. – Пусть этот черт уйдет.

- Какой черт? – переспросила я с раздражением. – Что происходит? И как вы узнали, кто я?

- Да я не знаю и знать не хочу, кто ты, - ответила она презрительно. – Только знаю, что Эдит утонула за четыре часа до того, как судья вытащил тебя из воды, ведьма.

Ведьма? В моём сознании тут же промелькнули сырые казематы, орудия пыток, бесстрастные физиономии инквизиторов и – как вишенка на торте – костер посреди площади.

- За языком следите, мамашенька, - посоветовала я старухе. – Никакая я вам не ведьма. А вот вы точно с какой-то чертовщиной связаны. И если это ваши проделки, я требую, чтобы меня немедленно вернули домой.

- Я такая же ведьма, как ты – жена моего сына, - фыркнула старуха. – И ты сама должна знать, как заняла её место. И для чего. И выбираться должна сама. Если сможешь.

- Бред какой-то! – воскликнула я в сердцах.

- Наверное, это моргелюты, - старуха задумчиво покрутила свечу вокруг своей оси.

- Кто?!

- Духи озера, - пояснила она. – Они утопили моего сына, а потом утопили Эдит. И зачем-то подкинули в Тихий Омут тебя.

- Никто меня не подкидывал! – ответила я бешеным шепотом. – Я упала в озеро! Меня толкнули! А вынырнула возле этой чертовой мельницы! Только получается, что не я вынырнула, - я потрясла руками перед лицом старухи. – Руки – не мои, волосы... - я схватила в кулак несколько прядей и тоже потрясла ими, - волосы – тоже не мои! И я не желаю находиться в теле какой-то там утопленницы!

- Ну прыгни обратно в Омут, - посоветовала мамаша Жо, на которую моя истерика не произвела никакого впечатления. – Если повезет – духи отправят тебя обратно. А если нет – то съедят. И рядом уже не будет мужика, который вытащит тебя за гриву и на берег.

Я застыла, вспомнив тени, утягивающие меня в глубину. А вдруг... это были вовсе не сети?..

Тут можно было сойти с ума на «раз-два», и я, плохо соображая, что делаю, схватила корзинку с яйцами.

- Правда, готовить решила? – равнодушно поинтересовалась старуха. – Так Ворона этим не купишь. Только ещё больше на подозрение наведешь.

- На какое подозрение? – я уже мало что понимала – и про ворон, и про чертей в омуте, и про утопившуюся Эдит. – Что в горшке?

- Масла немного осталось.

- Отлично, - я сунула горшок под мышку, взяла корзинку и пошла обратно в кухню, пытаясь собрать в горсточку разлетающиеся мысли.

Старуха вздохнула, загасила свечу и потащилась следом за мной, а я поднималась по ступенькам и пересчитывала все странности, что со мной случились.

Так, деревня Тихий Омут, где нет нормальных дорог и сетевых вышек... Так, озеро с какими-то водяными... И меня угораздило рухнуть в это озеро... А ещё – ворон, которого не купишь...

- Про каких ворон вы мне говорите? – спросила я у мамыши Жонкелии, когда мы уже почти поднялись до верха лестницы.

- Про серых, - огрызнулась старуха, обогнала меня и принялась шарить на полке, переставляя закопченные котелки и сковородки.

Судья Кроу, сушивший у печи рубашку, глянул на нас через плечо – быстро и подозрительно, и сейчас он так смахивал на нахохлившуюся хищную птицу...

Какая же я дура, слов нет. Рейвен - это ведь «ворон». Ворон – прозвище судьи, тут и ребенок бы сообразил. Судья, которого не подкупишь... А я разве собиралась его подкупать? Я ничего не сделала, чтобы мне нужно было подкупать судью. Или... сделала? Кто знает, что там за жизнь была у моей предшественницы...

Надо порасспросить старуху получше. Но для этого нужно избавиться от судьи-Ворона. Узнавать о жизни человека, чье тело ты заняла, лучше без лишних свидетелей.

- Мамаша, достаньте сковородку, - сказала я, поставив на стол корзину и горшок. – И миску.

Я бы взяла всё сама, чтобы лишний раз не подавать голос и не обращаться к противной старухе, но проблема в том, что понятия не имела, где что стоит в собственной (мама дорогая!) кухне, а судья Кроу следил за мной исподтишка, но пристально. Как будто только и ждал, когда я совершу какую-нибудь ошибку. Но для него-то я – просто Эдит, у которой разладилось в голове, вряд ли он заподозрил подмену. А вдруг, таких, у которых разладилось, здесь сразу отправляют в сумасшедший дом? Как предупреждала меня старуха? Мне вспомнились леденящие душу лекции по истории Нового мира – о том, как обращались в «цивилизованных» странах с теми, кто страдал отклонениями в психике, и судья сразу перестал мне нравиться.

Старуха с грохотом бухнула на стол огромную чугунную сковородку и щербатую глиняную миску. А вилку попросить

– будет уместно? Вдруг у них тут вилок ещё историей не предусмотрено?

С вилками, похоже, было туго, потому что мамаша Жо протянула мне деревянную ложку на длинной ручке. Отлично. Нет, я была совсем не голодна. О еде даже думать не хотелось. Но приготовить что-то означало не участвовать в разговоре, потянуть время, подумать и... успокоиться. Прежде всего надо успокоиться.

Мне никогда не приходилось готовить в таких условиях. Особенно – в такой печи. Она была разделена поперек кирпичной полкой, и внизу горел огонь, а наверх, видимо, ставили горшки и сковородки. Вроде духовки, только температуру быстро не изменишь. Справлюсь.

Первым делом я выковорила из горшка масло. Оно было топленным. Я никогда не готовила на топленном масле, но оно, наверное, как то же самое сливочное...

Бросив масло на сковородку, я задвинула её в печь подальше, и разбила в миску пять яиц.

- Что так много? – тут же заворчала Жонкелия. – Хватило бы и трех.

- На меня не готовьте, хозяйка, - тут же тактично отозвался судья. – Я только хотел задать пару вопросов...

- Год прошел, а вы никак не уйметесь, - старуха подала мне солонку.

Думаю, сделала она это не из-за желания придать блюду вкуса, а чтобы не встречаться взглядом с судьей, который тут

же устался на неё.

- Убийство вашего сына ещё не раскрыто, - сказал он обманчиво-мягко. – Мне казалось, вы больше всех должны быть заинтересованы в том, чтобы убийцу нашли.

Убийство? Я слушала в оба уха и мигом насторожилась. Получается, мужа Эдит убили? А теперь она сама прыгнула в озеро?.. Я хотела добавить соли, но посмотрела на собственные руки, скривилась и зачерпнула соль кончиком ложки. С такими руками не то что готовить – дышать неприятно.

За неимением вилки, я взбивала яйца не самой ложкой, а её черенком. Почти как китайскими палочками, когда готовишь восточный омлет.

Мамаша Жонкелия вздохнула и села на скамейку, а судья мазнул по мне взглядом, в котором читались и удивление, и неуверенность, а потом опять принялся расспрашивать:

- Так что произошло, мамаша? Как ваша невестка оказалась в озере? Сегодня ведь ровно год, как Бриско умер? Странное совпадение.

Бриско? Я помешивала яйца, усиленно шевеля мозгами и помалкивая. Это мой муж, что ли? То есть – муж Эдит. Или ещё кто-то умер?

- Ну год, и что? – старуха всем своим видом показывала, что расспросы здесь лишние. И что судья тоже лишний. – Эдит ставила сети, оступилась.

- Сети? – уточнил судья.

- Сколько раз ещё повторить? – с раздражением отозва-

лась Жонкелия.

- Которые разрезанные? – последовал ещё один вопрос.

Если мамаша и попала впросак, то виду не подавала.

- Не все же разрезанные. Есть и целые ячейки, - сказала она, дернув плечом. - Вы, господин судья, забываете, что мы – две беспомощные женщины, - она начала очередные стенания о бедности. – Поймается рыбка – нам уже счастье.

- А сети она как ставила? – почти ласково поинтересовался Рейвен Кроу. – С берега забрасывала?

Я смутно представляла, как ставят сети, но что-то мне подсказывало, что тащить их на середину озера заплывом вразмашку Эдит вряд ли стала.

- Вы меня в чем подозреваете? – с оскорбленным достоинством спросила Жонкелия. – На лодке она была. На лодке.

- А где лодка?

- Снесло течением.

- Хорошо, я посмотрю вдоль берега, - произнес судья с сомнением.

- Смотрите, - равнодушно отозвалась старуха.

Масло уже разогрелось, я хотела взять сковородку, но тут сообразила, что нет ни прихватки, ни полотенца. И как теперь?..

Мамаша Жо присвистнула, подзывая меня, и сунула мне в руку какую-то грязную засаленную тряпку. Да, чудесная прихватка. Понятно было, почему судья отказался от угощения в этом доме. Мало найдется охотников поест у нерях.

Но за неимением лучшего пришлось воспользоваться тряпкой. Я достала сковороду и осторожно, тонкой стружкой, вылила растопленное масло в яйца, продолжая помещать их черенком ложки.

Судья не обратил на это внимания, а старуха вытаращила глаза. Правда, она сразу же потупилась, предоставив мне безумствовать на своё усмотрение. Они тут ометов никогда не видели, что ли?

Я вылила яично-масляную смесь в сковороду и поставила её обратно в печь. Сейчас минут десять и... Блин, у них тут и часов, наверное, нет. Придется следить так, на глаз. Вооружившись ложкой, как мечом, я сделала вид, что целиком и полностью увлечена ометом, но судья не унимался и снова взялся за меня.

- Так это был несчастный случай, хозяйка? – спросил он настойчиво.

- Да, - ответила я, гипнотизируя омет.

- Значит, вы ставили сети?

- Да.

- С лодки?

- Да.

- Упали, а лодка уплыла?

- Да, - я готова была сама залезть в печку, только бы избежать расспросов. Потому что ничего хорошего они не обещали. Теперь мне казалось, что это судья расставляет сети.

- А разделись вы в лодке?

- Да.

Какая ему разница, где я раздевалась? Может, его так потрясла голая попка Эдит, что только об этом и спрашивает?

- То есть когда я найду лодку, в ней будет ваша одежда? – спросил судья, и я поняла, что попала прямо в сети.

- Да, - ответила я обреченно.

Существует ли вообще эта лодка? И что я буду врать, если окажется, что в ней нет одежды Эдит? Вооружившись тряпкой, я вытащила сковородку из печи и поставила прямо на стол, за неимением подставки. Омлет получился куда лучше, чем я ожидала – желтый, пышный, маслянистый даже на вид и отлично пах безо всяких приправ.

Жонкелия вытянула шею, разглядывая мою стряпню, и даже судья задумчиво смотрел на сковородку. Будто удивлялся: как в таком свинарнике можно было приготовить что-то сносное.

- Готово, - объявила я, не зная, что делать дальше.

Ели в этом доме из общей посуды или каждому полагались тарелки? Мамаша Жонкелия поднялась и выудила откуда-то фаянсовые блюда. Было странно видеть белоснежную и тонкую посуду после деревянной ложки и засаленной прихватки, но я невозмутимо разделила омлет на порции и выложила на тарелки. На разрезе омлет был пористым, как губка. Украсить бы его обжаренным шалфеем – и можно подавать в элитном ресторане.

Судья отказался от угощения, но когда старуха поднесла

ему блюдец, взял его.

- Ложки остались только деревянные, - буркнула мамаша Жо, раздавая нам столовые принадлежности, взяла свое блюдо и уселась обратно на лавку, вытянув ноги, а потом принялась уписывать омлет так, будто не ела неделю.

Поколебавшись, судья тоже попробовал кусочек, а потом ещё один, и ещё, и только я не могла заставить себя проглотить хоть крошку.

- Вкусно, - похвалил судья. – Спасибо, хозяйка.

Несколько замечательных минут он молчал, поглощая омлет, а доев, поблагодарил ещё раз.

- На здоровье, - ответила я радушно и не менее радушно предложила: - Позвольте, я вас провожу? Вы же торопитесь, наверное. И так много времени потеряли с нами.

- Не потерял, - он поставил пустое блюдо и положил ложку. – Я нарочно заехал к вам. Хотел кое о чем спросить.

- Она чуть не утонула, - хмуро заявила Жонкелия, не поднимая глаз от тарелки. – Оставьте вопросы на завтра.

- Не волнуйтесь, надолго не задержу, - голос судьи опять стал бархатисто-мягким, и ничего хорошего этого не обещало. – Мамаша, оставьте нас, будьте добры. Хочу поговорить с хозяйкой наедине.

Наедине! Я чуть не уронила ложку. Не желала я говорить с ним наедине!

- Дайте ей отдохнуть... - забубнила старуха, но судья решительно прервал её.

- Сходите в огород, мамаша, - сказал он тем же тоном, каким я предлагала его выпроводить. - Проверьте, как репа растет. Или боитесь, что ваша невестка расскажет что-то лишнее?

Жонкелия со стуком поставила блюдо на лавку, тяжело поднялась и пошла к выходу, предоставив мне выплывать самой.

Мне стало холодно, хотя от печки тянуло жаром. Отказаться? Упасть в обморок? Убежать и спрятаться?.. Но я продолжала сидеть, спрятав босые ноги под подол платья. Судья подкинул в печь ещё пару поленьев, дожидаясь, когда мамаша Жонкелия уйдет подальше, а потом произнес:

- Не хотите рассказать мне правду?

Глава 2. Мельник Бриско и его курочки

Какую правду? Что я – не Эдит? Или есть ещё какая-то правда, связанная с покойницей? И что же мне ответить? Или не отвечать?..

- Какую правду? – спросила я, прикинувшись наивняшкой. – Господин судья, я ничего не скрываю.

- Вам кто-то угрожает? – он посмотрел на меня в упор.

Глаза черные, темные, как у цыгана. Я утонула в них почище чем в озере Лин Пвилл. Ресницы были длинными и пушистыми, как у девушки, и я совсем некстати вспомнила старинную валлийскую загадку про такие глаза и ресницы: вокруг озера камыш растет.

Ой! Ну дались мне эти озера!..

- Никто не угрожает, - заверила я судью совершенно искренне. Мне ведь никто не угрожал. А что касается Эдит...

- В прошлый раз я предупреждал вас, что молчать может быть опасно, - судья сел на лавку рядом со мной, оперевшись локтем о колено и заглядывая мне в лицо. – Не глупите. Я ни на полслова не поверил в сегодняшнюю историю. Доверьтесь мне, я помогу. Если вы знаете что-то об убийстве вашего мужа, то самое время рассказать. Потом может быть поздно.

- Почему вы решили, что это убийство? Он ведь утонул, –

пробормотала я, потому что чувствовать вот так, очень рядом, мужчину, у которого цыганские глаза и потрясающие ямочки на пояснице – это то ещё испытание.

И если бы я хотя бы была красоткой с балаяжем и маникюром! А когда ты – рыжая грязнуля с обломанными ногтями...

Вздохнув поглубже, я приказала себе не думать о мужчине слева от меня. Вообще запретила себе даже смотреть налево.

– Это был несчастный случай, господин судья.

- Несчастный случай? – он, кажется, слегка оторопел. – Ему голову прострелили, хозяйка. Серебряной пулей, между прочим. Вам ведь известно, что это значит?

Тут уже оторопела я и начала заикаться даже в мыслях. Прострелили голову? С-серебряной пулей? А как же мамаша Жонкелия говорила, что водяные забрали её сына, а потом и невестку? Получается, старуха соврала? Или не знала, что беднягу Бриско застрелили?..

- Эдит, - голос судьи стал не просто вкрадчивым, а супервкрадчивым. – Я помогу, только не молчите. Молчание может быть приговором...

И этот черный лис... то есть ворон взял меня за руку, ободряюще пожимая ладонь. Я прекрасно знала, что он пытается что-то выудить у Эдит, и поэтому пускает в ход коварные штучки вроде «взять за ручку, посмотреть в глазки», но это действовало! Я не только готова была открыть ему все свои тайны, но и выудить все тайны из памяти покойной

мельничихи.

- Вы ведь расскажете, что произошло? – намурлыкивал мне на ухо судья. – Ну же, Эдит, смелее...

- На самом деле... - заговорила я, но голос подвел – так я разволновалась. – Всё не просто...

- Я пойму, - ласково кивнул он.

- Я не...

Каким-то случайным образом взгляд мой скользнул мимо лица судьи – на окно, в котором не было стекол.

Стекол не было, зато была невообразимо страшная рожа – бледная, плоская, без носа, с черными глазами без белков, с широким безгубым ртом, в котором поблескивали два ряда острых треугольных зубов. Как у акулы! Это уродство обрамляли повисшие серые волосы, с которых сочилась вода.

- А-а-а... - шепотом закричала я, потому что в груди сдавило, а в горле словно застрял комок из газет.

Теперь уже я ухватила за судью двумя руками, прижавшись к нему и чуть не прыгнув на колени. Он резко обернулся, но за мгновение до этого бледная рожа скользнула в сторону и исчезла.

- Что там такое? – судья хотел вскочить, но я вцепилась в него, не отпуская.

Меня колотила крупная дрожь, а желудок предательски сжимался. Хорошо, что я не съела жирный омлетик. А то сейчас меня бы вывернуло наизнанку.

Рейвен Кроу всё-таки оторвал меня от себя и подбежал к

окну. Вряд ли он там что-то увидел, потому что когда отошел от окна, лицо у него было разочарованным.

- Ну, хозяйка? – заговорил он, оставив мурлыканье. – Кто это был? Кто-то следит за вами? Это Жонкелия?

Я честно пыталась ответить, но слова застревали где-то в горле.

- Ещё не наговорились? – стоило только назвать имя – и появилась хмурая мамаша Жо. – Может, хватит, господин судья? Там холодно, между прочим. Если желаете допросить – вызывайте официально, а не выгоняйте бедную женщину из дома, - тут она заметила, как меня трясет, и воинственно скрестила руки на груди. – Вы с ней что сделали? Вы ее пытали, что ли?

- Это вы сейчас подглядывали в окно? – спросил судья без обиняков.

- Я?! Да за кого вы меня принимаете? – мамаша побагровела, и сыграть это было просто невозможно. – Я – уважаемая женщина...

- Там никого не было, - ухитрилась выговорить я. – Мне правда очень плохо, господин Кроу. Если не возражаете – продолжим беседу завтра.

- Какое – завтра?! – возмутилась старуха. – Да ей неделю надо отлеживаться после вашего допроса!..

Судья смерил меня взглядом, посмотрел на мамашу Жонкелию, процедил сквозь зубы:

- Я заеду завтра, - и вышел, едва не сорвав дверь с послед-

ней петли.

- Вот тебе и курочка-цекотурочка, - изрекла старуха что-то непонятное и выглянула в щелку между дверью и косяком. – Ушел. Точно ушел. А ты, - она фыркнула, - ты бы лучше помалкивала. «Продолжим беседу!»». Принцесса, что ли? Запомни, ты – вдова Бриско Милларда, моего сына. И только попробуй сболтнуть что-нибудь лишнее.

- А что это вы мне угрожаете? – ответила я воинственно, хотя всё ещё стучала зубами от страха. – Не вы ли, мамаша, утопили свою невестку?

Если бы я была убеждена, что это старуха приложила руку к убийству Эдит, я бы не была такой смелой, но что-то подсказывало обратное. Наоборот, старухе отчаянно нужна была Эдит Миллард. Любая – с того света, зомби или просто говорящий манекен.

Я ждала, что сейчас старуха накинется на меня, возмущаясь, что её – такую хорошую и уважаемую, обвинили в преступлении, но мамаша Жонкелия вдруг всплеснула руками и села на лавку, рядом с пустым блюдечком.

- Утопила! – воскликнула она насмешливо и горько. – Да это озеро черта лысого утопит, не то что дурочку Эдит! Говорила я Бриско – не нужна нам эта проклятая мельница...

- Эм... а кто заглядывал в окно? – спросила я, невольно покосившись в сторону разбитого окна, но никаких рож там сейчас не наблюдалось.

- А что ты видела? – спросила Жонкелия с любопытством

и опаской.

Я описала безносую морду с мокрыми волосами, и старуха побледнела, переплела пальцы и забормотала что-то себе под нос. По-моему, она молилась. Я не знала ни одной молитвы, поэтому подождала, пока мамаша закончит и снова спросила:

- Так кто это был?

- Это моргелюты, духи озера, - обреченно сказала Жонкелия. – Раньше они только в озере сидели, а теперь на берег выбрались. Хвала небесам, ещё в дом не залезли. Я тут везде полыни развесила, помогает от нечисти.

- Отличное средство, - съязвила я. – Полынь – это самое оно против зубастых утопленников.

- Это не утопленники, - строго поправила она меня. – Это – моргелюты, духи озера. Я говорила Бриско, но он не верил в них. Всё смеялся...

М-да, история. Я бы тоже не верила, если бы собственными глазами не увидела ту бледную рожу.

- Бриско не верил, смеялся, - старуха покачала головой. - И где он сейчас? Они его утопили.

- Постойте, мамаша, - перебила я, - сочувствую вашему горю, но судья сказал, что вашего сына застрелили серебряной пулей. И пытался вызнать у меня... то есть у Эдит... не знаю ли я что-нибудь об убийстве. Я знаю? То есть Эдит - знает?

- Ничего она не знает, - покачала головой Жонкелия. –

Бриско погиб ночью, мы с Эдит спали. А утром нашли его в воде у берега, рядом с сетями.

- И с пулей в голове?

- Там была кровь, - нехотя признала она, - и у него была рана на голове, но его точно утопили духи озера. Они мстили, что Бриско потревожил их покой.

- Может, вы мне всё расскажете? – предложила я. – С самого начала и подробно. Раз уж мы теперь, выражаясь образно - в одной лодке.

- Прекрати так говорить! – возмутилась она и превратилась в прежнюю мамашу Жо. – Не строй из себя принцессу!

- Может, я и в самом деле принцесса, - ответила я с достоинством, - вы ведь этого не знаете. Вообще-то, меня зовут...

- Эдит Миллард! – она ткнула костлявым пальцем в мою сторону. – И если сболтнешь что-то другое, особенно про моргелютов, тебя точно примут за сумасшедшую. А я не хочу закончить свои дни среди умалишенных, и всё равно ни в чём не признаюсь.

- Вы разве что-то натворили, чтобы в чем-то признаваться? – сказала я миролюбиво. – Ну, рассказывайте, что тут происходит, и что случилось с вашим сыном и невесткой.

- Доем? – мрачно спросила она, указывая на мою порцию омлета.

Я молча пододвинула к ней тарелку, и старуха схватила её с жадностью человека, который давно не ел ничего вкусного.

- Мы с Бриско не местные, - начала она свою историю,

сметая омлет со скоростью пылесоса. – Отец у него был из Тихого Омута – шалопай беспутный. Но сапожник хороший. Пришел в столицу, а я там служила в пекарне напротив сапожной мастерской. Мы поженились, родился Бриско, потом Бриско женился, а потом в столице – чума. Я овдовела, Бриско овдовел, и мы решили уехать. Сюда уехать. Бриско скопил немного, хотели купить тут маленький домик – огород развести, сапожничать, только Бриско вдруг взял и арендовал землю на берегу озера. Пришел, помню – глаза горят, будто клад нашел, показывает мне договор с графской подписью и говорит: «Скоро мы с вами, мамаша, заживем богаче графа! Да что там! Богаче короля заживем!». Я ему говорю: ты, мол, свихнулся, у озера земля плохая, там ничего расти не будет, и жилья нет – одна развалюшка стоит. А он мне: не волнуйтесь, мамашенька, через пару лет вы эту развалюху не узнаете. И что ты думаешь? – старуха облизала ложку и с сожалением посмотрела на блюде, на котором не осталось ни кусочка омлета, - года не прошло, как он построил здесь мельницу, устроил птичник, прикупил пару лошадей, нанял работников... Я у него спрашиваю: Бриско, откуда у тебя столько денег? А он мне с хохотком отвечает: так это от курочек, мамашенька.

- Заработал на курицах? – я невольно увлеклась историей о своем покойном муже. Вернее, о покойном муже покойной Эдит... вернее... Я совсем запуталась и предпочла не думать пока о сложностях переселения в другой мир. Лучше разуз-

нать побольше об этом Бриско, об Эдит, а тогда уже можно будет поломать голову – зачем я здесь и кто меня сюда притащил.

- На каких курицах! – скривилась Жонкелия. – Да, птичник у нас был хороший, Бриско купил ливорнских куриц, а у них самые крупные и вкусные яйца. Только продавал он на рынок десятков пять за неделю, иногда и меньше. Не те это деньги, чтобы мельницу поставить и черепицей ее покрыть. И за аренду земли надо было платить – каждый месяц по серебряной монете. Я однажды вижу – Бриско золотом расплачивается, да ещё смеется – серебра у него нет. Тогда я и поняла, что тут нечисто. Спрашиваю: где золото взял? А он мне: всё курочки, мамашенька, курочки. Так и не добилась правды. Год назад он женился на девице из соседней деревни. Не понимаю, что он в ней нашел, - старуха смирила меня взглядом, - рыжая, ума – кот наплакал, приданого никакого - круглая сиротка, нос как фичка и глаза маленькие, как у крота...

- У крота?! – я принялась ощупывать свое лицо, кося глазами на нос.

Мне ещё и в дурнушку повезло попасть? Но лицо по ощущениям было моим, и ничего у меня нос не фичка, и глаза не маленькие.

- Зеркало у вас есть? – спросила я.

Старуха кивнула на полку, и я нашла там осколок зеркала – запылившийся, тусклый. Я протерла его рукавом и по-

смотрела почти со страхом, ожидая увидеть что-то вроде зубастой физиономии, заглянувшей в окно.

Но лицо было моим, а я всегда считала себя если не красавицей, то точно милашкой. И нос у меня - никакая не фичка! Мужчинам, между прочим, нравятся вздернутые носики. Это пикантно. И глаза нормальные.

- Вы что на меня наговариваете? - разозлилась я на Жонкелию, а потом вспомнила, что не это главное – как она оценивает внешность Эдит. Или мою внешность. Главное, что тут произошло, и почему я теперь здесь. – Ладно, не про внешность речь. Дальше что было? – спросила я, очень недовольная собой. Потому что мне всё больше казалось, что я превращаюсь в эту самую Эдит, и всё больше волнуюсь о жизни в этом мире, хотя надо думать о том. Ведь я – не жена мельника. То есть не вдова. Я – Светлана...

- А дальше Бриско утопили, - прервала мои размышления старуха. – И всё. Денег не стало. Мы всё продали, есть нечего, второй месяц не можем заплатить ренту за землю, и граф может в любой момент нас выселить. Выгнать на все четыре стороны. В договоре аренды указано, что мы не должны задерживать с оплатой дольше, чем на три месяца.

- Постойте, постойте, мамашенька, - я потрясла головой. – Пусть сын не оставил вам денег, но вы говорите, у вас куча кур, у вас мельница. Да мельники всегда жили богато! Хлеб-то молоть вы не разучились? А если не тянете – продайте мельницу и купите домик в деревне.

Прозвучало это, как в надоевшей рекламе, и я невольно фыркнула.

- Какая умная, - огрызнулась Жонкелия, зыркнув исподлобья. – Мы хотели продать эту проклятую мельницу, но Закхей Чарлтон, графский мельник, всех отвадил, а сам не даёт полную цену. За те грошени, что он предлагает, и конуру собачью в Тихом Омуте не купишь. Потом кто-то прирезал всех кур, остались шесть, и даже петуха нет на развод. Мельничное колесо стоит – никак не удастся запустить. Срезаешь водоросли, срезаешь, а наутро они опять всё опутали. Это мстят моргелюты. Бриско растревожил их, и поплатился за это. А мы с Эдит – что мы могли сделать против нечистой силы? И ещё долг... Бриско говорил, что расплатился с плотниками и горшечником за строительство мельницы, а они принесли расписки, что он им ещё должен. И сейчас начисляют проценты каждый месяц...

Я услышала незатейливую, но такую печальную историю, как две осиротевшие женщины распродали сначала живность – лошадей, коров и коз, потом мебель, потом начали продавать одежду и посуду, но погасить долг так и не смогли.

- Кредиторы насаждают, - закончила рассказ Жонкелия, - мельница стоит, Чарлтон каждый день сюда таскается – сказал, что через два месяца мы сами отсюда уберемся, и всё достанется ему даром. А ещё моргелюты... окна побили, двери сорвали, бродят вокруг, даже днём уже бродят... Вот у бедняжки Эдит в голове и разладилось. Она и так трусиха

была, а тут совсем свихнулась от страха. По ночам кричала, говорит – и заикается, и оглядывается, будто её кто-то подслушать может. Или забьется в комнате в угол кровати – и сидит так целый день. Сегодня утром вскочила – и к озеру. Я за ней, а она кричит, что не может так больше. И в воду... Я четыре часа просидела на берегу, просила моргелютов, чтобы они еёпустили. А потом появляется судья – конь в мыле, сам – как на пожар, спрашивает, где Эдит. Я ничего ответить не успела, и тут выныривает рыжая башка и начинает звать на помощь. Судья полез тебя спасать, а я думала, что точно с ума схожу – Эдит ведь столько времени пробыла в воде. Только когда судья тебя вытащил, я сразу поняла, что ты – не Эдит. Не знаю уж, откуда моргелюты тебя вытащили, но я этому рада. Потому что Эдит – наследница Бриско. Наследство положено жене, а матери ничего не достаётся. Если узнают, что Эдит погибла или сошла с ума, то меня сразу выгонят. Граф Фуллартон точно своего не упустит. Мне тогда только и останется - милостыню просить.

Если раньше мне было жалко старуху и её непутевую невестку, то после последних слов от жалости не осталось и следа.

- Так вы не за меня или невестку переживали, - сказала я, с трудом сдерживаясь, - а боялись добрище своё потерять? Душевная вы женщина.

Она вскинула голову и взглянула на меня почти свирепо:

- За добрище? Ты хоть знаешь, что такое – голодать и

остаться без крыши над головой, когда зима? Когда нет дров, чтобы согреться? Когда нечего поесть, никогда не найдешь даже сухаря заплесневелого? Вот эти две монеты, - она выудила из-за пазухи и показала мне два новеньких серебряника, - это плата за мельницу за два месяца. А потом у нас будет ещё три месяца, пока по договору аренды нам можно будет отсрочить платежи. Глядишь, как-нибудь протянем зиму, а там...

- А там ваши курочки начнут нести золотые яйца, - подхватила я зло. – Все четыре!

- Шесть, - поправила она меня.

- Да хоть десять, - отрезала я. – Только если сидеть на попе ровно, так и просидите, пока вас из дома выкинут. Без средств к существованию.

Вместо того чтобы рассердиться, она покачала головой и вздохнула:

- И откуда ты такая на мою голову свалилась? И говоришь странно, и яйца черенком ложки размешиваешь. Надеюсь, ума у тебя побольше, чем у Эдит, и в озеро ты, как она, не полезешь.

Она сказала это и не удержалась – бросила на меня быстрый и опасливый взгляд. Старуха, действительно, боялась остаться без невестки. Боялась, что погонят на улицу. Как собаку. А ей – лишь бы крыша была над головой, пусть и в компании с зубастыми водяными духами.

Духи... моргелюты...

Я вспомнила отвратительную морду в окне и поёжилась. Нет, в озеро я точно не полезу. Не хочется там встретиться с тварями, у которых зубы, как у акулы. А судья не побоялся полезть за мной в озеро... Вернее – за Эдит... Судья... Ему-то что прибило искать вдову мельника?

- Зачем приехал судья? Что ему нужно было от Эдит? – спросила я у Жонкелии.

- Кто ж его знает, - ответила она. – Ворон – он тоже с придурью. Вроде бы сначала как человек – и разговаривает, и ведет себя, и вдруг на него как что-нибудь найдет – говорит какую-то ересь. И не понять с кем говорит. Недаром его из столицы выгнали.

- Выгнали?.. – машинально переспросила я, думая о событиях этого странного дня.

- Ну, сослали, - объяснила старуха. – Король отправил в ссылку. С запретом появляться в столице десять лет.

- А за что король отправил?..

- Откуда мне известно? – Жонкелия начала раздражаться. – Наверное, сунул нос туда, куда не следовало. Только он ничему не научился и продолжает и здесь совать нос куда не следует.

- Если он – судья, ему это по должности положено.

- Много чего ему не положено, - фыркнула она и уставилась на меня, оперевшись ладонями о колени. – Ты-то что будешь делать? Признаешься, что не Эдит?

- Признаться я всегда успею, - ответила я задумчиво. –

А пока давайте-ка в комнате уберем, мамашенька. Мне тут ночевать, скорее всего, а вы такой свиарник там развели... А потом я хочу осмотреться и побольше узнать про ваших моргелютов. Скорее всего, это именно они меня сюда и при-тащили. Ну и курочек ваших проведем. Есть-то нам что-то нужно.

Глава 3. Сыграем в "Весёлую мельницу"

С уборкой и стиркой мы с Мамашей Жонкелией провозились далеко за полдень. Первым делом я решила привести в порядок жилую комнату. Мы вынесли все тряпки, перестирали и развешали их, понадеявшись, что они просохнут до вечера. Солнце выглянуло из-за туч и светило тепло и ласково, но на берегу озера уже вовсю царила осень, и ночь обещала быть холодной.

Я вымела из комнаты весь сор, убрала паутину, висевшую по углам, оторвала доски на окне, чтобы помещение проветрилось, и на славу отдраила дощатый пол.

Дощатый пол – это вам не линолеум тряпочкой протирать, и после него я с сожалением посмотрела на свои руки. Красные, обветренные – они были ужасны. И нет никакого крема, чтобы сделать смягчающую масочку, и скраба тоже нет. И перчаток. И пилочки для ногтей.

Вздыхнув, я отправилась стирать. Я выстирала белье и платья Эдит, которые обнаружила в сундуке. Платьев было всего два, поношенных, со следами штопки.

Пока белье сушилось, я прошлась по мельнице, чтобы получше рассмотреть своё наследство. Вернее – наследство бедной мельничихи.

Бриско постарался на славу и отгрохал крепкую, добротную мельницу, и колесо было новое, с широкими лопастями. Только стояло, застряв намертво. Вымокнув от брызг воды, я попробовала повернуть его, но оно не сдвинулось ни на сантиметр. Ладно, этим можно будет заняться позже.

Постройки во дворе никуда не годились. Причем, я видела, что доски на курином вольере и на коровнике были новыми. Но глядя на них, создавалось впечатление, что над Тихим Омутом пролетел ураган с нежным именем. Неужели всё это устроили эти самые... моргелюты? Зачем им ломать постройки?.. Пытались забраться в дом?.. Если у них такая сила...

Мои страхи развеяла Жонкелия.

- Топить-то чем-то нужно, - пояснила она, - ведь за дрова тоже надо платить. Здесь в округе валежника мало, а свалить дерево – это женщине не под силу. Да и нельзя здесь рубить деревья, пока земля принадлежит графу Фуллартону. Он сразу заметит и штраф затребует.

- Кто такой этот Фуллартон? – спросила я, когда полезла осматривать голубятню позади коровника, а Жонкелия осталась внизу, придерживая лестницу. – Богатый бездельник? Молодой или старый?

- Скорее – молодой, - рассказала старуха. – Но он не бездельник. У него тоже мельница. Не на этом озере, а по ту сторону Тихого Омута. Пока был жив Бриско, туда ездили только из города, кто не знал про нас, а местные все моло-

ли только здесь. Граф очень из-за этого злился. Но Бриско исправно платил налоги и аренду, поэтому придраться было не к чему. Зато теперь графский мельник жирует. Все ездят только к нему.

- Правильно, конкурентов-то теперь нет, – я с трудом открыла разохшуюся дверь и заглянула внутрь голубятни. – А почему ездили на вашу мельницу? Ваша мука была лучше?

- Мука была лучше, и мололи мы быстрее, - объяснила Жонкелия. – Бриско сделал запруду, и колесо вращалось, как сумасшедшее. Жерновов у нас всего два, но они большие. И тяжелее, чем на графской мельнице. А сейчас... всё стоит.

Голубятня была пустая, только ветер гонял по углам пыль, листья и сухой птичий помет. Вдоль стены располагались двенадцать насестов, но я не увидела ни клеток, ни ящиков с травой, чтобы птицы могли вить гнезда. Окно было открыто и зафиксировано палочкой-держателем. В нем единственном сохранились стекла. Будто голубятня ждала, когда ее обитатели вернуться.

Я припомнила, что голубятня в глухие века средневековья была привилегией дворянства. Поэтому мне показалось вдвойне странным, что мельник Бриско устроил голубятню возле своего дома. Хотел похвастаться достатком?

- А где голуби, мамаша? – крикнула я сверху.

- Не было голубей, - ответила старуха, задрав голову. – Бриско не успел их завести.

Не успел завести, а птичий помет по углам откуда? Мо-

жет, дикие птицы залетали? Но зачем тогда держать открытым окно? Не найдя ответ для этой загадки, я спустилась на землю, и мы с Жонкелией отправились в огород.

Голубятня стояла позади всех построек, у самой кромки леса, а огород старуха разбила рядом с мельницей, чтобы легче было таскать на грядки ил для удобрения и воду для поливки.

Честно говоря, более жалкого огорода мне ещё видеть не приходилось. На кривых длинных грядках уныло торчали зеленые перья репчатого лука. Я вырвала пару головок – крупные, но тот самый сорт, который горький и острый. Лучше бы посадили что-то вроде сладкого крымского лука. Его хотя бы можно есть просто с хлебом. А этот лук хорош только для приправы мяса.

Больше в огороде ничего не уродилось, а что было – Жонкелия с моей предшественницей выдрали до последнего корнеплодика. И свеклу, и репу, и капусту.

- Да, не густо с урожаем, - признала я, оглядывая грядки.
– И как вы планировали протянуть на таких запасах зиму?

Жонкелия посмотрела на меня хмуро, и я со вздохом переиначила вопрос:

- Что есть-то собирались зимой?
- Что есть – то и собирались, - огрызнулась она.
- У вас курятника нет, одна крыша, - сказала я. – Зимы здесь холодные? Не боитесь, что курицы передохнут?
- Куриц забрали бы домой.

- Вот уж нет, - отрезала я. – Не хватало ещё куриц дома. Устроим их в голубятне. Лазать туда, конечно, не очень удобно, но можно поставить жаровню, будет тепло. Может, куры даже зимой станут нестись.

Я сама не заметила, как стала рассуждать так, словно собиралась зимовать в Тихом Омуте. А что, если придется?.. От одной мысли у меня мурашки по коже побежали. Нет, спасибо. Я хочу домой, к цивилизации, где горячая вода и туалет с удобствами...

- Жаровни нет, - старуха вернула меня из мечтаний о том мире в реальность этого.

- А вот это – уже проблема, - признала я. – Нам нужны жаровня, теплая одежда и мука, чтобы хоть лепешек испечь. Есть яйца каждый день – так себе перспектива, - я заметила недовольный взгляд мамыши Жо и поправила: - Приедается - яйца каждый день. И вообще, смешно, что на мельнице муки нет.

- Запусти жернова, если такая умная, - огрызнулась она и пошла собирать просохшее белье.

Я осталась во дворе, задумчиво глядя на синюю гладь озера. Вдруг я здесь надолго? На зиму? На год? Вдруг долго не смогу найти дорогу назад? То, что не смогу быстро – я в этом даже не сомневалась. Потому что не известно как я сюда попала – случайно или по чьей-то воле. Если случайно, то глупо лезть обратно в озеро, чтобы отыскать портал между мирами. Если по чьей-то воле – то потребуется время, чтобы

этого кого-то найти.

А зима, между прочим - не шутки. Это тебе, Светочка, не в городской квартире с центральным отоплением на снежинки за окном любоваться. На секунду мне стало страшно и тоскливо. Я снова посмотрела на свои руки и спрятала их за спину, чтобы не огорчаться лишний раз.

- Эй, хозяйка! – раздался позади меня грубый хриплый голос. – Не передумали? Пока предложение в силе – десятка серебром!

Я оглянулась, сообразив, что зовут именно меня (Эдит, конечно же, Эдит! но что поделать, если мы с ней уже сроднились?), и обнаружила, что возле покосившейся низкой изгороди, в проеме, где выломаны доски, стоит крайне неприятный тип. Ему было лет сорок на вид. Был он хмурым и рыхловатым, с красными толстыми щеками и маленькими пронзительными глазами, с жидкими черными волосами на висках и макушке, с кустистыми бровями, и ещё он грыз зубочистку, перекидывая ее из одного угла пухлогубого рта в другой.

Одет он был просто, но во все новенькое, а сапоги просто ослепляли блеском. Он хотел молодежески перепрыгнуть через забор, но живот помешал, и, позорно провалившись на этом испытании, тип с зубочисткой поступил проще – пролез в дыру в заборе и встал своими блестящими сапогами прямо на луковую грядку.

Этого нельзя было стерпеть, особенно, если учесть, что

лук был почти единственным средством существования на этой обнищавшей мельнице.

- Хозяйка... - вальяжно начал тип с зубочисткой, но я совсем не вальяжно его перебила.

- Эй, дядя! – прикрикнула я, потому что каблуками с набойками он давил луковицы, как гнилую картошку. – А ну – шаг в сторону! Не видишь, у меня тут огород?

- Огород? Это? – процедил он, но с грядки сошел и брезгливо вытер сапоги о траву. – Что с продажей, хозяйка? Вы подумали? Повышать цену больше не буду. Провороните – мельница уйдет за бесценок.

На новеньких штанах была мучная пыль, и я догадалась, что, скорее всего, это был тот самый графский мельник, который устранил конкурентов. Который не дает за мельницу настоящей цены.

Конечно, продать её было бы лучшим решением. Продать и купить домик с нормальным огородом и каким-нибудь фруктовым садиком, если здесь растут фрукты – с этим и справиться легче, особенно – женщине. Особенно – если она из другого мира и только вчера носила маникюр, а землю видела только в цветочном горшке на окне. Продать можно, но я понятия не имела о расценках в этом мире. Наверное, десять серебряных монет – это очень мало. Десять монет – это десять месяцев аренды, и то – не жилья, а земли. А мамаша Жонкелия сказала, что граф ссудил эту землю совсем даром.

- Десять – мало, - сказала я деловито. – И вам это прекрас-

но известно, так что прекратите говорить глупости.

- Глупости? – хмыкнул он и огляделся. – У вас просрочка по аренде третий месяц. В ноябре граф выставит вас вон, и я получу эту развалюху даром.

Так бы и было, но мельник не знал о двух серебряных монетках, что Жонкелия выклянчила у судьи, а я знала, и они-то заставили меня чуток принаглеть и совсем не чуток приврать. Главное – пока избавиться и от этого типа. Эй, дайте же несчастной переселенке в другое тело хотя бы освоиться? Чего навалились-то все разом? Сначала судья, теперь мельник...

- За аренду будет заплачено сегодня же, - небрежно ответила я, уперев руки в бока, чтобы выглядеть побойчее. – И к вашему сведению, одной черепицы на этой крыше, - я мотнула головой в сторону мельницы, - больше, чем на двадцатку серебром. А голубятня – та и вовсе картиночка.

- С чего бы это на двадцатку? – огрызнулся мельник, и я поняла, что попала в точку. – За нее восемь дадут, не больше. А голубятня ваша никому не сдалась. Придумали ещё – голубей разводить! Кому они нужны? Перевод корма, а мяса – с горсточку! Десять серебром – и ни горшеном меньше.

- Отвечу через месяц, - ледяным тоном произнесла я, назначив максимальный срок отсрочки. За месяц я или вернусь обратно или точно разберусь, что тут к чему и почём. – Потому что через неделю приезжает покупатель, он хочет посмотреть мельницу и обещает за неё побольше десяти монет.

Тип так и подпрыгнул, и зубочистка вывалилась изо рта.

- Какой такой покупатель? – возмутился он. – Врете вы всё, хозяйка! Никто в округе не купит вашу мельницу.

- А я и не про округу говорю, - отрезала я. – Приедет покупатель из города. Ему врачи сказали переселиться в деревню, поближе к природе. Вот он и задумал стать мельником – доходно и нехлоотно. Если предложит полную цену – это вы останетесь с носом.

- Кто он? – выпалил мельник.

- Ха-ха, - мрачно сказала я ему в лицо. – Так я вам и назову его имя. Месяц. А потом поговорим.

Этой фразочкой я осталась довольна, потому что мельник побледнел, потом побагровел, потом достал из кармана новую зубочистку и крепко прикусил ее.

- Доиграетесь, - пообещал он с угрозой. – Решили из себя строить настоящую хозяйку? Не поздновато ли? Всем уже известно, что вы – две курицы, только и способные, что бес толково квохтать!

Больше всего хотелось обозвать его в ответ. Петухом, например. Он и в самом деле походил на жирного, обнаглевшего петуха. Но я решила не ругаться намертво, потому что покупатель из города существовал только в моем воображении. Кто знает – может, придется продавать мельницу именно этому мерзкому типу. И тогда он даже десятку пожалеет.

Но и бояться его не стоило. Или хотя бы стоило показать, что его никто не боится.

- Всего доброго, - послала я графского мельника. – Вон дыра в заборе – назад и с песней. Я сказала – месяц. А там - посмотрим.

- Посмотрим, посмотрим, - пообещал он и с кряхтением протиснулся обратно за изгородь. – Только когда будем смотреть, я десятки точно не дам. Восемь серебром – красная цена вашему хлеву!

- Там разберемся, у кого хлеб, - крикнула я ему вслед, когда он, широко шагая и зло размахивая руками, двинулся к дороге, где стояла коляска, запряженная каурой лошастью.

- Ух ты, - услышала я за спиной и оглянулась.

Мамаша Жонкелия стояла с охапкой стираного белья и тоже смотрела вслед мельнику.

- С чего – «ух»? – спросила я, ещё не остыв от короткого, но динамичного разговора.

- «Ух» – потому что Эдит так точно не заговорила бы, - пояснила Жонкелия. – Настоящая Эдит заплакала бы. Может, жаловаться бы начала.

- Предлагаете мне плакать и жаловаться? – спросила я с вызовом.

- А это уж сама решай, - ответила она, поудобнее перехватывая белье и направляясь в дом. – Мне главное, чтобы Эдит была жива-здорова. И деньжонками разжиться, чтобы за аренду заплатить. За два месяца заплатим, значит, ещё три месяца у нас есть...

- Отчего же – за два месяца? – сказала я и снова уперла

руки в бока. – Заплатим за один. А вторую монету пустим в дело. Как говорится – не надо зарывать серебряные таланты в землю.

Жонкелия чуть не выронила только что стирное белье и посмотрела на меня подозрительно:

- Ты что это задумала? – спросила она, насупившись. – Заплатим за два месяца и сможем жить здесь до зимних праздников...

- Мамашенька, да мы тут через месяц ноги протянем от голода и холода, - я ополоснула руки в бочке, стоявшей под стрехой, подошла к старухе и забрала белье. – И где вы потом собираетесь брать деньги, чтобы заплатить вашему графу? Снова будете кланчить у судьи? Лучше бы вышли за него замуж – и кланчите себе на законных основаниях.

- Вот сама и выходи, - огрызнулась Жонкелия. – А деньги пойдут за аренду. И хватит мять стирное! Сложи его уже куда-нибудь.

- Обязательно сложу, - пообещала я ей. – Но аренду мы оплатим за один месяц. А завтра вы поведете меня в лавку, на ярмарку – что тут у вас есть. Мне надо посмотреть ваши цены и сделать покупки.

- Покупки?! – её чуть не хватил удар. – Ты спятила? Какие покупки, если у тебя денег – мышь наплакала?

- Узко мыслите, - поругала я её. – У нас тут золотое дно, а мы на муку намолоть не можем. Завтра надо посмотреть, что с колесом. Позовем плотников...

Она посмотрела на меня как-то странно и фыркнула:

- Ну, зови.

В этот вечер я засыпала на неудобном тощем матрасе, укрывшись лоскутным одеялом, которое было мне коротко и приходилось сворачиваться клубочком, чтобы пятки не мерзли, а под головой у меня была подушка, набитая сеном и ветошью. Пусть белье было выстирано, оно все равно хранило чужой запах, а я с непривычки вздрагивала всякий раз, когда задевала шершавыми руками за щеку или плечо.

Окно мы с Жонкелией не стали заколачивать, а занавесили мешковиной, и было слышно, как вода льется на неподвижное мельничное колесо – будто кто-то вполголоса напевает монотонную песенку.

- Этот с зубочисткой – он ведь графский мельник? – спросила я у Жонкелии, когда она погасила свечу и легла на другую кровать, отвернувшись лицом к стене.

- Да, Закхей Чарлтон, - ответила старуха. – У него на мельнице восемь работников и четыре жернова. А у тебя работники разбежались, а жерновов только два, и они стоят.

- Но они ведь работали, - вполне резонно заметила я. – Значит, заработают снова. Устроим стратегию под кодовым названием «Весёлая мельница».

- Что? – она приподняла голову, чтобы на меня посмотреть. – Ты точно – тронутая!

- Спите уже, нормальная вы наша, - проворчала я и тоже повернулась лицом к стене.

Жонкелия уснула почти сразу, а я лежала и слушаю, как плещется озеро, вспоминала про Витьку. Что там с этим балбесом произошло, когда я не вынырнула? А если потом вытащили мое тело? Витьку привлекут за непредумышленное убийство? Или спишут на несчастный случай? А если я найду путь домой – куда буду переселяться? Вряд ли мое тело любезно сохранят для меня в целости и сохранности, как фараонову мумию.

От этих мыслей становилось совсем несладко, и я предпочла не думать ни о чем, чтобы не бояться и не испытывать угрызений совести. Не надо думать о прошлом, надо сосредоточиться на том, что сейчас. Конечно, жизнь в условиях средневековья – это почище чем выйти без шлема против Кости Цзю. Идею поправить материальное положение посредством выгодного брака я исключила сразу. Во-первых, вид у меня сейчас совсем не товарный. Во-вторых, семейная жизнь для женщины вплоть до середины XX века была рулеткой – повезет или нет. Подхватишь венерическую болезнь – смерть. Тяжелые роды – смерть. Нет, я не Скарлетт, чтобы продаваться за лесопилку. Тем более, у меня есть мельница.

Мельница!

Вот отсюда и надо плясать.

Светик, отнесись к жизни в этом мире, как к игре. Типа - прикольное приключение. Вроде реалити-шоу «Выживи на необитаемом острове». Конечно, мне не разрешили бонусом забрать с собой косметичку, любимую сковородку и нижнее

белье, но по сравнению с тем же «Робинзоном Крузо» - положение у меня гораздо лучше. Не надо строить частокол, не надо жить в палатке. Крыша над головой есть, печка есть. Правда, готовить в этой печке нечего...

Я приободрилась и даже подосадовала, что сейчас ночь. Хотелось сразу бежать и запускать это чертово колесо, которое почему-то перестало крутиться. Мозгов у меня для этого точно хватит. А что? Получилось у Бриско – получится и у меня.

«Вашего мужа застрелили. Серебряной пулей», - голос судьи прозвучал в голове, как глас с небес, и мигом испортил мне настроение.

Между прочим, серебряными пулями убивали колдунов и оборотней.

Фу, даже думать о таком не хотелось.

Я запретила себе думать про оборотней, колдунов и водяных зубастых тварей. Сегодня мне надо отдохнуть. Все проблемы начнем решать завтра. Постепенно я согрелась и уснула. Мне приснился судья, который крался по дому, осторожно открывая двери в каждую комнату. Половицы тихонько поскрипывали, сливаясь с плеском воды в однообразную, тихую мелодию.

Глава 4. Крутись, крутись колесо

Мне стоило больших трудов убедить Жонкелию не отдавать деньги графу, а приберечь серебряник на хозяйственные нужды. Но в конце концов старуха смирилась, когда я пригрозила, что прыгну обратно в озеро, и тогда она не увидит мельницы, как своих ушей.

Как могла, я привела себя в порядок, но расчесать волосы плохоньким щербатым деревянным гребнем так и не смогла. Башмаки у Эдит тоже были протоптаны до дыр, а платье хоть и выстиранное, но больше подходило какой-нибудь замарашке.

Ладно, на первый раз сойдет и так. Я была уверена, что Эдит в Тихом Омуте видели ещё и не в таком жалком виде – если она зимой босиком удирала из дома. Потом что-нибудь придумаю, а пока надо хоть немного освоиться в этом незнакомом и странном мире.

Деревня Тихий Омут находилась километрах в четырех от мельницы, но дорога, которая к ней вела, была на все десять. Грязь, ямы и рытвины – хоть я и поднимала подол платья до колен, все равно вымазалась до ушей, не говоря о том, что бродить по таким ухабам в длинном платье – это надо было перенестись сюда из тела мастера спорта по гимнастике.

Удивительно, что к Бриско ездили все по такой дороге. Признаться, я приуныла, потому что было понятно, что для

привлечения клиентов надо заняться ещё и дорогой, а это – дополнительные расходы.

Но пока в моем распоряжении была всего одна серебряная монета и только одна лавка – в центре деревни.

Я смотрела по сторонам с любопытством, но не слишком крутила головой, чтобы не решили, что Эдит совсем съехала с катушек. Деревня была большой – пока мы добрались до лавки на площади в центре, я насчитала сто двадцать домов. А Тихий Омут тянулся ещё дальше, под уклон, к реке, которая протекала в долине.

Мы с Жонкелией вошли в лавку под звон дверного колокольчика, и к нам навстречу сразу вышел хозяин – важный большой дядька в нарядном камзоле и в туфлях с серебряными пряжками. Из рассказов Жонкелии я знала, что хозяйина лавки зовут Савьер Квакмайер, у него жена, три сына и дочь, и он – единственный, кто привозит в деревню товары из города, потому что у него две огромных телеги и два тяжеловоза.

- Добро пожаловать, мамаша, - поприветствовал он Жонкелию, - добро пожаловать, хозяйка. Рад вас видеть, но в кредит больше не даем. За вами и так должок – четыре монеты серебром.

Теперь стало понятно, почему Жонкелия не рвалась за покупками. Я бросила на нее возмущенный взгляд – почему не сказала про долг и в деревенской лавке? Но она сделала вид, что ничего не заметила.

- Половина монеты – в счет долга, - сказала я так уверенно, как только могла, и выложила на прилавок деньги, - на остальную – муки, сала, соли и хороший костяной гребень.

Конечно же, никто не догадался вывесить ценники на товар в лавке, а расспрашивать хозяина о цене на муку или соль настоящая Эдит точно бы не стала, поэтому я предварительно вызнала у Жонкелии, сколько могли стоить продукты. Покупка гребня чуть не довела ее до припадка, но я была тверда – гребень необходим, потому что быть неряхой мне совсем не по душе.

Сделав вид, что рассматриваю фигурные пряники, выложенные грудой под стеклом, я краем глаза следила, как Савьер Квакмайер отмерял товар.

Весы? Зачем! Всё на глаз!

На полсеребряные монеты он отмерил около четырех килограммов муки в полотняный мешок, который подставила Жонкелия, кусок соленого сала с мясными прожилками, весом на килограмм, и горсть соли в тряпицу. Потом он выложил на прилавок костяной гребень. Неказистый, грубовато вырезанный, но это было лучше, чем деревянный. Я взяла его и спрятала в поясную сумочку – потрепанную, на перетертом чиненом ремешке, постаравшись скрыть, какая сумочка черная изнутри.

Сало принесла дочь хозяина – Сюзетт. Наверное, девушка больше походила на мать, потому что в отличие от отца была хрупкой, очень ладно сложенной, с пикантным и хоро-

шеньким личиком. В моем мире такая лапочка закидывала бы инет своими пикантными фотографиями, но здесь она всего лишь скромно улыбалась, похожая в голубом платье, белом фартуке и кружевном чепчике на фарфоровую куколку. У нее были ярко-синие глаза (как драгоценные камни, честное слово!), очень белая кожа и темные волосы, разделенные на прямой пробор.

Увидев нас, она приветливо заулыбалась и сделала книксен, выставив потом ножку в ажурном чулке и черной кожаной туфельке на каблук, с высоким переплетением ремешков:

- Госпожа Жонкелия, госпожа Эдит! Как ваше здоровье?

Она говорила ласково и улыбалась так же, но мне почудилась насмешка в этом нежном голосочке. И вообще... рот у Сюзетт был широковат, и когда она улыбалась, то становилась немного похожей на лягушку.

- Вашими молитвами, - ответила я, забирая сало, завернутое в тряпицу. – Спасибо за товар, в ближайшее время долги мы уплатим.

- Жду не дождусь, - вежливо ответил Савьер, глядя, как мы с Жонкелией укладываем сало и соль в корзину, а мешок с мукой перетягиваем веревкой на горловине. – Но не слишком верю, если честно.

- Почему это? – спросила я, и лавочник перестал мне нравиться раз и навсегда.

- Когда мельничиха покупает муку – это может означать

только одно – денег нет, и не предвидится.

- Посмотрим, - буркнула я, перекинула мешок через плечо, и вышла из лавки, даже не попрощавшись.

Жонкелия потащила следом за мной, держа на сгибе локтя корзину с салом и солью. На улице я подождала старуху и сказала, поудобнее устраивая мешок на плече:

- Показывайте, кто тут из бывших работников. Попросим помочь наладить колесо.

- Я же тебе говорю, - завела привычную песню Жонкелия, - они не согласятся, даже если ты заплатишь. А заплатить тебе нечем.

- Заплатим потом, когда мельница начнет работать, - терпеливо возразила я.

- Ну-ну, - сказала она под нос.

- Хотите, чтобы мы с вами ныряли?

Вместо ответа она поджала губы и пошла по улице, к колодцу, который находился на площади, напротив лавки.

Конечно же, ей не хотелось нырять. Да и мне тоже. После того, как я чуть не утонула, подходить к озеру мне было отчаянно страшно. Не говоря уже о зубастой роже, встретиться с которой в воде я бы хотела меньше всего на свете.

Возле колодца сидел парень лет двадцати, и без особого старания вытесывал ручку для ворота колодца. Увидев, что мы подходим, парень насторожился и замер, покрепче перехватив топор. Будто собирался обороняться. Идея пригласить кого-нибудь из деревни для ремонта колеса сразу пока-

залась мне не очень удачной. Что это за работник, если он, того и гляди, отоварит хозяев топориком по голове?

- Олдус, - замогильным голосом позвала парня Жонкелия, - мы решили запустить мельницу, но что-то с колесом. Поможешь? А когда мельница заработает – мы тебе заплатим?

- Можешь даже вернуться на работу, Олдус, - заговорила я как можно приветливее. – Условия оплаты те же.

- Запустить мельницу? – уточнил парень.

- Да, - подтвердила я. – Только всё равно там нужны мужские руки и...

- Ищите дураков! – Олдус ошетинился, как ёж, и вскочил, бросив недоделанную колодезную ручку. – А я – ноги моей не будет на вашей проклятой мельнице!

- Ты что орешь? – сквозь зубы процедила я и оглянулась – не услышал ли кто про проклятую мельницу. Не хватало ещё сыграть на руку господину Закхею, чтобы за мельницу с чертями не дали и десяти серебряных монет. – Нормальная... в смысле, обыкновенная мельница. Если тебе там что-то показалось спяну...

- Мне показалось?! – он вытаращился на меня, а потом на показ расхохотался, - Хозяйка, а не вы ли бежали пять миль босиком и по снегу, а потом прятались у пастора в овчарне и вопили про демонов?

Даже так? Ничего себе – меленка-вертеленка... Краем глаза я заметила, что из лавки выглянули Савьер и его дочь, а с противоположной стороны к колодцу с ведрами и кувши-

нами шли три нарядные девицы в разноцветных платьях и белоснежных передниках. Совсем некстати.

- Слушай, Олдус, - начала я ласково, - то, что было – это было просто недоразумение. Сейчас всё под контро... сейчас всё тихо и спокойно. Мне только и нужно, чтобы ты немного посмотрел колесо, оно почему-то не вертится.

- Вот сами и смотрите! – огрызнулся он, подхватил ручку и торопливо пошел прочь. Оглянулся на ходу – и прибавил скорости.

- Поговорила? – мрачно осведомилась Жонкелия. – Никто не пойдет из деревенских. А приглашать мастера из города – у тебя денег нет.

- Заладила, - проворчала я и добавила уже громко: - Ладно, пошли домой. Обойдемся без этих трусов. Перевелись мужики, наверное.

Мы с Жонкелией развернулись в сторону мельницы, но не успели сделать и пары шагов, как на площадь из переулка вывернул судья. Он сидел верхом на вороном коне и сейчас, в черном камзоле и надвинутой низко на лоб остроконечной шапке, как нельзя больше походил на нахохлившегося ворона.

- Его только не хватало, - прошептала Жонкелия, и ускорила шаг.

Я пошла за ней, делая вид, что не замечаю господина Кроу, но он сам заметил нас и направил коня поперек нашего пути.

- Добрый день, мамаша, - поздоровался он с Жонкелией, но смотрел почему-то на меня. – И вам, хозяйка, добрый день.

Мы с Жонкелией нестройно поздоровались в ответ и остановились, переминаясь с ноги на ногу и не зная, чего ожидать от этой встречи.

- Что это Олдус сбежал от вас, как от огня? – спросил судья, чуть наклоняясь в седле и упирая кулак в бедро. – Чем это вы его так напугали?

- Ничем, - ответила я первой. – Позвали его обратно на работу, но не сошлись в размере оплаты.

Лицо у Жонкелии приняло страдальческое выражение, но она ничего не сказала, и мне пришлось продолжать:

- День сегодня хороший, господин Кроу, но всё равно дождь обещают. Мы пойдем, с вашего разрешения, не хочется потом по грязи тащиться.

- А я вчера искал лодку, - сказал судья так же ласково, как я только что разговаривала с Олдусом, - и не нашел. Представляете?

- Унесло течением, - быстро ответила Жонкелия.

- Утонула, - одновременно с ней ответила я.

Повисла неловкая пауза, и судья заговорил ещё ласковее:

- Так утонула или унесло?

- Мы-то откуда знаем, господин судья? – ответила я, незаметно уцепив Жонкелию за локоть, чтобы помалкивала. – Нас же там не было. Мало ли что могло случиться. А вдруг

ее украли? Может, мне заявление о краже написать?

- А вы и писать научились, хозяйка? – судья удивленно приподнял брови.

Вот блин блинский! Так вляпаться! Я готова была проглотить язык, но проглотить уже сказанные слова было невозможно. Оставалось одно – врать дальше. И как можно правдоподобнее.

- Научилась, - соврала я, не моргнув глазом. – Оказывается, это не так сложно. Я и читать теперь могу, господин судья. Если прикажете – то даже по книжке.

Жонкелия не удержалась и посмотрела на меня, а я уже подхватила ее под руку, раскланялась с судьей и пожелала ему доброго пути, куда бы он ни поехал:

- А мы – домой, ваша честь, - сказала я на прощание, - чтобы успеть до дождя.

Судья демонстративно взглянул на небо, на котором не было ни облачка, но преследовать нас не стал, а развернул коня и поехал в другую сторону.

Я поглядывала ему вслед, пока он не скрылся за углом лавки. Судья не смотрел по сторонам и поэтому не заметил, какое впечатление произвел на девиц у колодца. Они, бедняги, позабыли про воду и сблизили головы, зашептавшись и прижимая ладони к щекам. Причем, все трое не сводили со всадника глаз. Вода уже вовсю лилась через край, но никому до этого не было дела.

- Ух ты, - сказала я, совсем как Жонкелия.

- Чего заухала, как сова? – тут же напустилась на меня старуха. – Болтай поменьше! Грамоту она знает, видите ли!..

- Ну сглупила, бывает, - ответила я примирительно. – Ладно, идем домой. Сегодня на повестке дня – запуск мельничного колеса. Надо разобраться, что там не так.

- Разбирайся, разбирайся, - заворчала она. – Моргелюты тебя тогда не съели, отобедают сегодня.

- Сплюнь, - посоветовала я ей.

Разумеется, никакого дождя сегодня не предвиделось, и мы с Жонкелией, прибыв на мельницу, занялись каждая своим делом – старуха начала растапливать печь, потому что я даже не представляла, как это делать, а я остановилась возле мельничного колеса, прикидывая, в чем может быть причина поломки.

Колесо было погружено в воду всего на четверть, но лезть в воду мне очень не хотелось. Выбрав палку подлиннее, я долго тыкала ею в воду, чтобы спугнуть того, кто мог там сидеть (да хоть бы и моргелютов этих!), а потом подвернула подол платья и разулась, приготовившись лезть в воду.

- Не надо нырять, хозяйка, - раздался вдруг голос судьи, и я чуть не свалилась с мостков в озеро. – Сегодня я туда за вами точно не полезу. Вчера хватило.

Я оглянулась и увидела Рейвена Кроу собственной персоной. Он сидел на вороном коне, подбоченясь и сдвинув шапку на затылок, а рядом стояли два мрачных типа – небритые, в рубашках без опояски, больше похожие на головоре-

зов, чем на мирных крестьян.

- Полезайте и посмотрите, что там с колесом, - велел им судья, и мужчины, одинаково шмыгнув носами, потопали по мосткам к колесу, оттеснив меня в сторону.

- Очень любезно с вашей стороны, - растерялась я, - но нам нечем будет заплатить...

- А они все сделают бесплатно, - заявил судья. – У них месяц работы на благо обществу. За дебош, который они устроили на празднике жатвы. Вот пусть и отработывают.

Мне было и неловко, и радостно, что не пришлось лезть в холодную воду, кишевшую какими-то чудовищами самой. Но если с этими людьми произойдет что-то страшное?.. Ага, с судьей ведь ничего не произошло? А вчера он заплывал за мной на самую середину озера...

Ставив штаны и сапоги, мужчины в одних рубашках залезли в воду. Возле колеса оказалось совсем неглубоко – обоим по пояс. Они крутанули колесо за лопасти, но оно не поддалось. Заплыли с другой стороны – и снова крутанули, а потом потребовали ножи или серп.

- Тут всё водорослями заросло, - сказал один из работников на благо обществу. – Надо срезать – и закрутится, как миленькое.

- Сейчас принесу, - я бегом бросилась на мельницу и Жонкелия выдала мне два огромных ножа, больше похожих на тесаки, а к ним – точильный камень, потому что ножи были тупые, как мои пальцы.

- Надо наточить, - сказал судья, пробуя ногтем лезвие. – Я присмотрю за ними, - он кивнул в сторону мужчин, которые бодренько драли водоросли, отдирая их от лопастей колеса, как пиявок, - а вы, хозяйка, сообразите что-нибудь им на обед. После работы на свежем воздухе надо хорошенько подкрепиться. И печку растопите пожарче. Не май месяц, чтобы купаться.

- Конечно, господин судья, - пообещала я и бросилась обратно на мельницу.

Приготовить поесть... Легко сказать! Приготовить яичницу с салом? Не так уж у нас много яиц и сала, да и хлеба нет, и его быстро не испечешь. Приготовить лепешки? Но это пресно. Что я подам к лепешкам?

Жонкелия подкинула в печь ещё дров и посмотрела на меня исподлобья.

- Что задумалась? – поторопила она меня. – Стряпай, давай. Если наобещала.

А то я не знала, что надо стряпать. Я постаралась припомнить всё, что когда-то готовила в своем, цивилизованном мире...

Сало... мука... яйца... лук...

Да что можно из этого сделать?!

Если только... Вкуснейшие лепешки с луком, которыми нас угощали в узбекском ресторане...

- Помогайте, - скомандовала я Жонкелии. – Мне нужна большая сковорода и шесть луковиц покрупнее.

- Будешь мужиков луком кормить? – спросила она скептически, но пошла в огород, выудив огромную чугунную сковороду почти полметра в диаметре.

- Лук – от семи недуг, - пробормотала я поговорку, и начала замешивать тесто.

Для узбекских лепешек не нужны дрожжи и закваска. Мука, вода, немного соли – вот и всё тесто. Пусть будет не слишком крутым, а таким – нежненьким, приятным на ощупь, и пусть полежит под миской, отдохнет.

Пока тесто расстаивалось, я нарезала немного сала тонкими ломтиками и растопила. Растительного масла нет, но и с растопленным салом получится очень даже неплохо. Когда растопленное сало немного остыло, я разделила тесто на две части, раскатала каждую в тонкий пласт и щедро смазала получившимся смальцем. Потом скрутила тесто в рулет, немного приплюснула, чтобы получилась многослойная лента, свернула «улиткой» и опять приплюснула, раскатала, посыпала мелко нарезанным луком и снова свернула в рулет. Потом порезала рулет на кусочки сантиметров по пять-шесть, перевернула разрезом вверх, припорошила мукой и раскатала в небольшие лепешки. Эти лепешки зажарила на сале до золотистой корочки и сложила грудой в миску – ещё шипящие, ароматные, совсем не похожие на простой хлеб.

- Хозяйка! Колесо пошло! – раздался крик со двора.

Мы с Жонкелией переглянулись, и я сказала, забирая миску с лепешками:

- Всего-то и делов было – водоросли срезать. Вот увидите, сейчас всё пойдет, как по маслу.

Я и правда поверила, что сейчас всё наладится. Особенно когда увидела, как бодро молотят лопасти колеса. Журчанию воды теперь аккомпанировало мерное поскрипывание, и это казалось мне самой прекрасной музыкой на свете.

Вот! Что и требовалось доказать!..

Надо что-то делать, а не лить слезы!..

Ну и судья помог, конечно.

Я подошла к нему, протягивая миску:

- Попробуйте, это вкусно, господин Кроу.

Он взял лепешку, и я отнесла остальное работникам, которые натягивали штаны и прыгали, пытаясь поскорее согреться. Горячие лепешки пришлись очень кстати, особенно - сочные от лука, со вкусным запахом свиных шкварок. Оба осужденных уплетали их за обе щеки, и судья тоже не отставал – попросил вторую лепешку на добавку и сразу откусил половину, задумчиво глядя в озерную даль.

- Хозяйка! – не вытерпел один из работников, еле выговаривая слова с набитым ртом. – Я согласен батрачить у вас весь срок за еду! Попросите меня у господина судьи!

- И меня, - добавил второй, забирая ещё лепешку.

Судья перестал жевать и посмотрел на меня – как-то очень внимательно посмотрел, но я сделала страшные глаза и чуть заметно покачала головой, показывая, что вовсе не хочу таких работников.

Зачем мне два дебошира?! Чтобы отбиваться от них палкой? Нет-нет, благодарю покорно, но мы с Жонкелией будем хозяйничать на мельнице без чужой помощи.

- Дело сделано, парни, пора возвращаться, - приказал судья, бросая в рот последний кусок лепешки и разворачивая коня по направлению к деревне.

Осужденные сразу приуныли, но послушно попрощались и поплелись следом за Рейвеном Кроу, который уже выезжал на дорогу. Я скрестила на груди руки, глядя им вслед. Вообще-то, мог бы и поблагодарить. Или хотя бы похвалить. Ладно, не очень-то и нужны ваши благодарности, господин судья.

Я вернулась на мельницу и обнаружила, что Жонкелия очень уютненько устроилась у горячей печи и уплетала себе лепешку за лепешкой, прихлебывая из большой кружки.

- Что это вы пьете, мамашенька? – я заметила глиняный кувшинчик возле старухи и взяла его, приняв хавшись. – Это вино, что ли? Не рано ли вы решили напиться? Солнце ещё высоко, и работы – хоть отбавляй.

- Праздную, - ответила она коротко.

- И какой у нас сегодня праздник? – поинтересовалась я, тоже взяв лепешку.

В моем мире узбекские лепешки делали с растительным маслом, но с салом получилось очень даже недурно. Ещё и вкуснее, пожалуй. Особенно когда прогуляешься пешочком по пересеченной местности километров восемь туда и обрат-

но. С мешком муки на спине.

- Праздник твоей глупости, - Жонкелия отсалютовала мне кружкой и осушила ее залпом.

- Всё, больше не наливать, - сказала я насмешливо и убрала кувшин со стола, пока старуха не приговорила вино до дна. – Странный дом – есть нечего, зато нашлось, что выпить. Где тут вино хранится? - я хотела взять последнюю лепешку, но обнаружила, что миска была пуста.

Странно. Ведь мне казалось, что оставалась ещё одна...

Я подошла к окну и не без опаски выглянула. Но в это окно вряд ли кто-то мог заглянуть снаружи – слишком высоко здесь было от земли. Колесо вертелось совсем рядом, и его скрип радовал душу. Пройдет совсем немного времени, и сюда потянутся телеги, груженные зерном. Мельники всегда были самыми зажиточными людьми в деревне! Не будем изменять традициям!

- Вино стоит на чердаке, - Жонкелия хмыкнула и потянулась, хрустнув косточками. – Ты и в самом деле думаешь, что победила мельницу?

Глава 5. Вино и прочие радости жизни

Винный склад на мельнице – это было странно и смешно. Я проверила все кувшинчики, стоявшие стройными рядами на чердаке, и убедилась, что покойный мельник выпить был не дурак. Здесь стояли пустые кувшины, и их было в два раза больше, чем полных. Может, получится продать вино?..

Но где его продавать? Точно не в Тихом Омуте. Ехать в город? Но на чем?..

Остаток дня я провела в компании с мельничными жерновами, орудуя метлой и сухой тряпкой. Чтобы стряхнуть с застоявшихся жерновов пыль, пришлось потрудиться. Жонкелия болталась рядом, но помощи от неё было меньше, чем от куриц, бродивших по двору.

А ведь ещё и курицы! Их же тоже надо будет чем-то кормить, когда с подножным кормом станет туго. И собака...

Но мельница работала – и это добавляло мне энтузиазма. Будет работать мельница – всё остальное приложится. Появится зерно для куриц, мука – чтобы печь хлеб. Будет хлеб, а значит – будет еда и для нас с Жонкелией, и для собаки...

Да уж, Светочка, ты всё больше и больше превращалась в мельничиху Эдит. Но ведь у тебя не было выбора, так?..

Остаток дня я старалась привести в нормальный вид кух-

ню, выметая сор из углов, смахнув паутину с печи, расставив по полкам посуду, чтобы все было под рукой, поручив Жонкелии перетапливать сало в смалец. Она с работой успешно справилась, и теперь в нашем распоряжении был горшочек превосходного топленого сала. Хочешь – жарь яичницу, хочешь – помажь загрубевшие руки, что я и сделала, когда улеглась спать.

Конечно, сало – это не французский крем, и пахло оно совсем не фиалками, но это по любому лучше, чем обветренные руки. Я засыпала, строя планы на завтрашний день и на всю неделю вперед, а колесо славно поскрипывало – словно напевало колыбельную песенку.

Проснулась я в самом добром расположении духа, готовая продолжить квест «Весёлая мельница». Жонкелия уже сидела на постели и туго подбирала под чепец косы – черные, с проседью. Я тоже села на постели, поджав ноги по-турецки, и попыталась расчесать доставшуюся мне по наследству от Эдит рыжую гриву. Именно – гриву, иначе и не назовёшь. Сначала я расплела все эти хитрые косоплеточки, которые были навязаны прежней владелицей, и долго и старательно расчесывала волосы покупным гребнем. Конечно, причесываться костяной гребенкой было легче, чем деревянной – она не так драла пряди, но совсем не то, что причесываться массажной щеткой. Я намучилась, продираясь сквозь рыжую гущину, и одолела почти половину, когда поняла, что что-то мне не нравится.

Вода... Вода журчала...

А скрипа колеса не было слышно!..

Бросив гребень на кровать, я вскочила и босиком помчалась вниз, высунулась в окно и увидела намертво застывшее колесо. Вода хлестала по лопастям, но оно не сдвигалось ни на сантиметр.

- Ну как? Убедилась? – Жонкелия, стуча каблуками, спустилась по лестнице и тоже выглянула – не особенно высываясь в оконную раму.

- Что за ерунда? – я вернулась в комнату, оделась и обулась, перевязала волосы пониже затылка обрывком какой-то тряпки, скрутив ее жгутиком, и отправилась осматривать колесо.

Если вчера моргелюты никого не съели, то вряд ли решат позавтракать мною.

Закатав рукава рубашки, я бесстрашно сунула руку в озеро по плечо, ощупывая лопасти, которые скрывались под водой.

Чертовщина какая-то!.. Колесо было опутано водорослями, как будто простояло так с месяц, если не больше. Но только вчера люди судьи срезали и выкинули на мостки целую гору зеленых травяных плетей! Водоросли просто не смогли бы вырасти за ночь!..

Жонкелия просто наслаждалась моей растерянностью и хотя не произносила больше ни слова, на ее физиономии так и сияло: вот, я же говорила!

Стараясь не замечать этого сияния, я размышляла: опять звать судью? Но как я объясню эту странность с водорослями? Вдруг он посчитает, что тут творится какое-то колдовство, а там уже и до обвинений в ведьмачестве недалеко. А ведь может, это просто какой-то сорт травы... Или вчера помощники поленились хорошо выполнить работу...

С вечера мамаша Жонкелия поставила закваску, чтобы сделать потом настоящий хлеб. Когда я ворвалась в кухню, старуха как раз подкармливала закваску мукой. Увидев, как я схватила валявшийся в углу нож, которым вчера обрезали водоросли, Жонкелия только покачала головой.

- Что? – тут же воинственно спросила я. – Лучше сидеть, сложа руки?

- Нет, конечно, - ответила она, - лучше сунуть голову туда, куда не следует.

- А я голову совать не собираюсь, - заверила я ее и отправилась к злополучному колесу.

Если мамаша права, и водоросли растут так быстро, что стопорят колесо, надо поскорее избавиться от травы. Выложить дно камнями? Потравить тут все какой-нибудь извостью?..

Я прикидывала и так и эдак, а сама, не сходя с мостков, подрубала эти проклятые водоросли – толстые, как веревки. В воду заходить я всё же побоялась, но никто меня за руку не схватил и под воду не утянул, поэтому я осмелела и орудовала уже двумя руками – подрезая, выбрасывая, подрезая,

выбрасывая...

Когда я избавилась от половины водорослей, колесо дрогнуло и пошло, оборвав оставшиеся плети. Я постояла рядом, любуясь своей работой, а потом удовлетворенно кивнула. Зачем мне какие-то работники? Сама неплохо справлюсь. А в воду, наверное, можно насыпать извести...

- Хозяйка! – позвал меня кто-то, и я с готовностью оглянулась. – Мельница заработала? У меня три мешка пшеницы.

На дороге стояла телега, груженная двумя мешками, а третий мешок незнакомый мне крестьянин уже подтащил к изгороди. Вот и первый клиент! Я бросилась помогать ему, схватив мешок за углы.

- Сейчас перемелем ваше зерно, вы и глазом моргнуть не успеете, - пообещала я.

Жонкелия показалась на крыльце, посмотрела мрачно и скрылась в доме опять, даже не ответив на приветствие крестьянина.

- Тащите пока остальные мешки, – деловито сказала я.

Крестьянин пошел к телеге, а я бегом бросилась в кухню.

- И куда это вы спрятались, мамашенька? – упрекнула я Жонкелию. – А ну, извольте помогать. Я понятия не имею, как молотить зерно. Показывайте, что куда сыпать и что делать!

- Сначала спроси, чем он заплатит – мукой или деньгами, - буркнула Жонкелия, колдуя над закваской. – Если деньгами – мы брали по два грошена за мешок, если мешков больше

десяти – то по полтора. Если мукой – забираешь десятую часть.

- Ясно! Ясно! – перебила я её. – Как молоть-то?!

Наука оказалась нехитрой – засыпаешь зерно в лоток над жерновом, зерно по деревянному желобку скатывается в круглое отверстие посреди каменного кольца килограммов на сто, а по каменному желобку в мешок сыплется уже мука. Дело было простое, но не совсем. Поднять мешок с зерном, чтобы пересыпать его в лоток весь сразу, мне точно было не по силам. Пришлось вооружаться миской и быстренько пересыпать зерно вручную. Плечо сразу заныло, и Жонкелия сжалилась надо мной.

- Иди, сама пересыплю, - буркнула она, отбирая у меня миску. – Потом поможешь притащить другие мешки.

- Зачем носить самим? – удивилась я. – Попрошу мужчину, он донесет.

- У тебя голова – как этот жернов, - Жонкелия похлопала по круглому камню. – Может, он и согласится, но точно больше не придет. Он не батрачить к тебе приехал, а зерно молоть. Мешки с мукой тоже его заставишь таскать? А потом он по деревне поедет, мукой обсыпанный?

Она говорила дело. В условиях средневековья вряд ли стоило ждать галантного отношения к женщине-простолюдинке. Да и про костюмчик старуха верно заметила.

- Ты права, - признала я, быстренько пораскинув мозгами. – Надо организовать сервис, если мы хотим привлечь клиен-

тов.

- Пропади, - только и отмахнулась от меня старуха, не желая даже комментировать мой сленг.

- Сколько по времени будет молотиться мешок зерна? – деловито спросила я.

- Если колесо крутится так, как сейчас, то за четверть часа справимся, - ответила мамаша Жонкелия и подсыпала в лоток ещё порцию пшеничных зерен.

- Три мешка – сорок пять минут, - быстро посчитала я, и опять удостоилась недовольного взгляда старухи. – Норм... хорошо. Как раз хватит, чтобы начать работу по привлечению клие... посетителей.

Я взбежала по лестнице, вышла во двор и помогла крестьянину подтащить мешки к входу на мельницу.

- Ну и дорога, - заворчал он, присаживаясь на крыльцо и доставая трубку, чтобы закурить. – На графскую мельницу ехать дальше, но дорога там – загляденье! А тут чуть ось на колесе не полетела.

- Зато у нас дешевле и быстрее, папаша, - ответила я с улыбочкой от уха до уха. – Чем платить будете? Мукой или деньгой?

- Мукой, - он выколотил трубку и набил ее табаком. – Уголек принесите, хозяйка.

Принести уголек оказалось не самым простым делом. Я провозилась минут пять, пока сообразила, что уголек из печи можно принести железными щипцами, которые стояли у

стены, перепачканные в пепле.

- Только за смертью вас и посылать, - остался недовольным крестьянин, но когда раскурил трубку, немного подобрел. – Я думал, вы продадите мельницу, а вы ещё и работать решили. Ну, Бог в помощь. А нам тут мельница точно не помешает. Фуллартон ренту поднял, а Закхей совсем совесть потерял – по пять грошеников за мешок берет, и скидку – только с двадцати мешков. Двадцать мешков! Когда у меня двадцать мешков зерна-то было?!

Я внимательно слушала его, сочувственно кивала, а сама лихорадочно прикидывала – чем привлечь кроме дешевизны? Если графский мельник (а речь, похоже, о нем) берет так дорого, значит, на эту цену идут. А я буду брать зерно на помол только у бедняков, и расплачиваться они будут мукой – прямой путь к разорению. Мука – это замечательно, конечно. Это хлеб, булочки и ещё много чего, но это не деньги. А платить за аренду земли придется деньгами. И одной мукой сыт не будешь. Тут и ёжику понятно.

- Отдохните пока, папаша, - сказала я ласково, хватая второй мешок за углы и заволакивая его на крыльцо. – Продрогли, поди? Сейчас я вам что-нибудь состряпаю горяченького, чтобы согрелись.

Он одобрительно замычал и выпустил изо рта облако дыма, блаженно закрыв глаза.

К жерновам я перетасила мешки с зерном без особого труда – просто спустила их по лестнице. Чтобы поднять меш-

ки с мукой наверх, придется, конечно, потрудиться. Но вдвоем с Жонкелией справимся. Оставив старуху молоть, я побежала в кухню и задумалась: что бы такое приготовить? Чтобы быстро, сытно, не накладно и сработало, как реклама? Судье и его работникам понравились мои луковые лепешки, но возиться с ними сейчас было бы долго. Надо что-то другое, не менее вкусное и оригинальное. Что-то, чего точно не готовят в деревне Тихий Омут...

Яичница с салом? Да крестьянам она, наверное, приелась до тошноты. Французский омлет, которым я угощала судью в первый день своего попадания в этот мир? Но нет масла, а со смальцом вкус будет не тот.

Думай, Светик, думай...

В корзинке на столе лежали шесть свежих яиц – мама-ша Жо принесла утром из курятника. Мы думали пообедать ими, но придется пустить в дело...

Светик, соображай...

И я сообразила. Засучив рукава, я вымыла руки, взяла две миски – одну поглубже и побольше, поставила чугунную сковороду в печь, бросила кусочек смальца, размазав его ложкой. Потом разбила в чашку четыре яйца, присолила, добавила чуть-чуть вина и черенками двух сложенных вместе ложек взбила яичную смесь. Дома я воспользовалась бы вилкой (ни в коем случае не миксером!), но в этом мире вилка оказалась предметом недостижимым. Ну, ничего. Японский омлет тем и хорош, что яйца не надо взбивать до пены. А вот

процедить требовалось. И где-то у Жонкелии было сито...

Я процедила яйца в миску поменьше, и смалец уже шипел, растекшись по сковороде.

Дальше действуем быстро, Света, и клювиком не щелкаем!

Вылить на сковороду, примерно, треть. Подождать, пока яйца немного схватятся, и, помогая деревянными ложками, свернуть яичный блин в рулет. Сдвигаем его на край сковороды, выливаем ещё треть смеси... Потом опять сворачиваем, выливаем остальное...

Когда рулет приготовился, мне было жарко от печи и усердия. Я выложила кушанье в миску, разрезала поперек, чтобы были видны слои, и потащила угощение крестьянину, не забыв плеснуть в кружку немного вина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.